

Падшие боги

Автор:

Антон Грановский

Падшие боги

Антон Грановский

Гиблое место #1

Еще вчера Глеб Орлов был скандальным журналистом и завсегдатаем ночных клубов, а самыми большими опасностями в его жизни были гнев главного редактора и непредсказуемые встречи с зеленым змием. Но командировка в аномальную зону, затерянную в уральской тайге, обернулась путешествием в далекое прошлое. Итак, добро пожаловать в языческую Русь! Здесь налицо полное отсутствие цивилизации (даже мобильник не работает) и натуральный феодализм, да еще кругом шастают оборотни, упыри и прочая нелюдь. Небольшой конфликт с представителями местной власти поставил Глеба перед выбором – остаться без головы или принять участие в походе в Гиблое место, где у Погребального шатра упавшего с небес мертвого бога растет чудесная пробуди-трава. Как вы думаете, что предпочел журналист Орлов?

Внимание! Новая, исправленная и дополненная версия заглавного романа эпопеи «Гиблое место»! Еще больше приключений! Еще больше монстров!

Антон Грановский

Падшие боги

Падшие боги

– Неужели вы верите в эти сказки?

– В страшные – да.

«СТАЛКЕР»

Диане Гильфановой, самой храброй девочке на свете.

Пролог

Надей Жгут сгреб тлеющие угли в кучу, потом вернулся к бревну и уселся рядом с Васькой Ольхой. Долго сидели молча, согревая продрогшие тела. Первым молчание нарушил Васька Ольха.

– А ты сколько разов в Гиблое место хаживал? – спросил он, с уважением глядя на старшего товарища.

Жгут растопырил пальцы обеих рук.

– Считай.

Васька глянул на толстые грязные пальцы Жгута и присвистнул.

– А я только раз тут и был, – сказал он. – С дядькой Пыреем ходил. Ох и натерпелся же страху.

Надей глянул на Ваську холодными глазами.

– А чего ж снова поперся?

Васька усмехнулся, почесал грязными пальцами живот и ответил:

– От жадности, от чего ж еще? У кого бурая пыль, тот сам себе князь.

– Вот появятся охоронцы, они тебе живо башку прочистят и покажут, кто тут настоящий князь.

Жгут зевнул и обмахнул ладонью обветренный рот, чтобы злые духи не залетели. Потом поднял с земли обломок ветки и стал ковырять им в щербатых зубах. Васька долго смотрел на него, размышляя, спросить али не спросить. И все-таки спросил:

– А сам пошто сюда ходишь? Ребята в кружале сказывали, что у тебя хоромы в Остужье с полатями золотыми. Правда аль нет?

Жгут глянул на Ваську из-под густых бровей и усмехнулся.

– Правда.

– А чего ж ходишь? – снова спросил Васька.

– Мне среди людей муторно, – ответил Надей, ковыряя в зубах веткой.

– Как это? – не понял Васька.

– А так. На рожи их тошно смотреть. Поживу-поживу и снова сюда.

– К упырям да волколакам? – не поверил своим ушам Васька. – Нешто оно лучше людей?

– Не хуже – это точно.

Васька посмотрел на товарища с восхищением.

– И не боишься?

– А я от их клыков болотным духом заговоренный.

– Правда?

– Кривда!

Во взгляде Васьки Ольхи читалось недоверие. Он слышал о добытчиках, заговоренных болотным духом, но всегда считал это выдумкой. Болотный дух страшен и людей ненавидит, разве с ним столкнешься.

Надей поднял с земли котомку.

– Ну, отогрелся?

– Да я и не замерзал.

– Тогда тушим костер да пошли.

Затушив костер, они привели одежду в порядок, закинули котомки на плечи и зашагали дальше. Васька опасливо поглядывал по сторонам. Сколько добытчиков тут сгинуло. И еще неизвестно, что с ними теперь: то ли в земле гниют, то ли упырями красноглазыми по лесу бродят да кровь свежую вынюхивают.

Где-то неподалеку ухнула спуржун-птица. Васька насторожился, прислушался и спросил хриплым шепотом:

– Волколаки?

Жгут тоже прислушался и покачал головой.

– Не. Пока солнце за сосны не закатилось, они из чащобы носа не высунут. То медведь или лиса.

Они вышли на полянку, и на душе у Васьки чуток полегчало. Волколаки на такое открытое место не полезут.

Да только рано обрадовался Васька. Едва успел оглядеться, как Жгут зашипел на ухо:

– Княжьи ратники! Прячься в траву и молчок!

Сказано – сделано. Сидя в высокой траве, Васька Ольха приподнял голову. Разъезд из четырех всадников в шеломах, латах, на крепких лошадях неспешно ехал по полю. Узнать набольшего в разъезде не составляло труда. Он ехал впереди, за его плечами развевался красный суконный плащ. Он был гораздо выше остальных ратников, суровее лицом, а в его русой широкой бороде уже пробивалась седина.

Сердце у Васьки упало. Княжьих ратников он боялся не меньше, чем оборотней и волколаков. Глаза Васьки закрылись, а его толстые, обветренные ветрами Гиблого места губы беззвучно зашептали заклинание-оберег, припасенное на особые случаи:

«Ты зачем меня, матушка, несчастного, родила? Завернула бы меня в льняную тряпочку да бросила бы камешком в синее море. Лежал бы я на дне, не ездил бы в дальние страны, не побирал бы копеечку, не боялся врага лютого. Береги меня, матушка, окутай своим саваном, прикрой от напастей».

Когда Васька открыл глаза, ратников уже не было. Он облегченно вздохнул и отер ладонью потный лоб. Пронесло!

Кожаный мешочек с бурой пылью, спрятанный за пазухой, топорщил рубаху. Васька поднял руку к груди и осторожно погладил мешочек сквозь полотно рубахи. Вот оно, счастье-то.

Если Бава Прибыток не поскупится и даст хорошую цену, можно будет с полгода не ходить в Гиблое место. Жизнь пойдет сытная, пьяная, да и на утеху любовные кой-чего останется.

Васька Ольха шмыгнул носом, осторожно выглянул из травы и огляделся. Вроде никого. Можно выходить. Куда, интересно, схоронился Надей?

Васька было привстал, как вдруг услышал чей-то грозный насмешливый голос:

– Эй, дядя, выдь-ка к нам!

«Конец!» – понял Васька и обмер от ужаса. Но не тут-то было. Сидящий в пяти саженьях от него Жгут вскочил на ноги и бросился к лесу.

– Держи его! – заорал охоронец.

Надей утекал от княжьих охоронцев быстрее, чем заяц от лисы. Но двое всадников, пришпорив коней, перерезали ему путь к отступлению. Жгут остановился, выхватил из ножен меч и угрюмо посмотрел на окруживших его дружинников. Лошади захрапели под дюжими седоками, загарцевали на месте, забили по земле копытами, фыркавая на Жгута и тесня его прочь от чащобы.

Жгут взял меч на изготовку. Видимо, понял, что убежать не удастся, и решил дорого продать свою жизнь. «Помочь бы!» – промелькнуло в голове у Васьки. Но он тут же прогнал эту мысль как глупую. Своя рубаха ближе к телу.

Надей Жгут отлично владел мечом. Но с пятью дружинниками в полном боевом снаряжении ему, конечно, не совладать.

– Сдохни, добытчик! – крикнул один из дружинников, молодой парень с крохотной русой бородкой, и метнул в Жгута копье. Жгут ловко пригнулся, и копье просвистело у него над головой.

Второй дружинник замахнулся копьем, но Жгут скакнул вперед, подпрыгнул и всадил меч противнику в зазор между нагрудником и боковым щитком. Кровь красным фонтаном ударила из продырявленной груди охоронца.

Надей мягко, по-кошачьи, опустился на землю, схватил ратника за ногу и стащил его с храпящего коня. Затем, не дав княжьим дружинникам прийти в себя, вскочил на коня и шлепнул его по крупу голоменью меча.

– Уйдет! – крикнул кто-то из охоронцев.

И мог, мог Жгут уйти, кабы конь, верный своему убитому хозяину, вместо того чтобы пуститься в галоп, не поднял Жгута на дыбы.

Третий дружинник, пожилой, чернобородый, швырнул копье, и оно с отвратительным чавкнувшим звуком воткнулось коню в живот. Конь зашатался, споткнулся о ком земли и тяжело повалился набок. Жгут успел спрыгнуть на землю и по-волчьи зыркнул глазами на дружинников.

– Сдавайся! – крикнул один из них. – Все одно сгубим! Давай уж сразу, чтоб не мучиться!

Жгут оскалил зубы в усмешке.

– Крепкий зуб мяса не боится! – прорычал он. – Сгуби, коли сможешь.

Дружинник хотел что-то ответить, но Жгут метнул в него меч. Меч, сверкнув в воздухе, сбил с головы дружинника шлем.

Надей подхватил с земли копье, повернулся с ним к другому ратнику, но сделать ничего не успел. Охоронец ударил его щитом по голове и сбил с ног.

Кони, словно огромные черные стервятники, налетели на упавшего Жгута и стали топтать его копытами.

Что было дальше – Васька Оляха не смотрел. Он выскочил из травы и опрометью бросился к лесу. Он бежал, не чувствуя в груди сердца. Летел, продираясь сквозь кусты, как напуганный олень. Рядом с ухом пронзительно просвистела стрела.

«Быстрее! Быстрее! Быстрее!» – колотилось у Васьки в ушах.

Ворвавшись в лес и добежав до небольшого, поросшего травой овражика, Васька нырнул на дно и спрятался за большой гнилой колодой.

Охоронцы осадили коней у самой кромки чащобы.

– Где он? – спросил один.

– Не видать! – ответил другой.

Васька выглянул сторожко из-за колоды и увидел, что один из ратников, рыжий, угрюмый, спешился.

– Ты чего? – спросил его чернобородый.

– В чаще поищем, – угрюмо ответил тот.

Чернобородый посмотрел на темные влажные дубы и зябко передернул плечами.

– Я туда не пойду, – сказал он. – Третьего дня упырь двух лошадей загрыз и воеводина племяша покалечил.

– Так то ночью, – возразил рыжий, однако вгляделся в черную стену деревьев с тревогой. – Днем-то чего бояться? – Он обернулся и взглянул на товарищей: – Так что, будем искать?

Чернобородый и второй охоронец переглянулись.

– Ну его к лешему, – сказал чернобородый. – Все одно оборотни али волколаки сожрут.

Охоронцы, так и не решившись войти в чащу, нехотя ретировались. Сидя за колодой, Васька видел, как рыжий отрубил мертвому товарищу голову. Он хотел сделать то же самое со Жгутом, но чернобородый его остановил.

– Оставь.

– Так ведь обратится.

– Пусть. Заслужил.

Тело Жгута оставили нетронутым. Васька нахмурился: зря они это. Встанет теперь Жгут с земли вонючим упырем и отправится бродить по лесу да искать живой плоти. Иные упыри годами по лесу рыскают, покою не знают. Случается, что и в деревни забредают. Третьего дня один такой упырь в Онтеевке девку схватил. Всей общиной пытались девку отбить, да куда там. Утащил в лес и сожрал. Только косточки ее обглоданные нашли. Это еще повезло. Бывает, так

обожрут, проклятушие, что и костей приличных не найдешь. Что хоронить – непонятно.

Помолившись над телом поверженного товарища, ратники надели шеломы и забрались на лошадей. Пограничный разъезд, теперь уже из трех охоронцев, неторопливо двинулся дальше.

Васька Оляха выждал, пока они скроются из глаз, и только потом выбрался из травы. «Спасен!» – понял он.

Добытчик вытер вспотевшее от страха лицо дрожащей рукой. Тело его затекло от неподвижного лежания, и пришлось несколько раз присесть, чтобы восстановить кровообращение.

Трупы Жгута и убитого ратника остались лежать в траве. Васька даже отсюда чувял запах свежей крови. Его слегка замутило. Ему и раньше приходилось видеть мертвецов, но здесь, в Гиблом месте, мертвецы вызвали не грусть и тоску, а страх.

Недолго им там лежать. Ратника сожрут звери. Жгута, ежели повезет, тоже. «И меня бы могли», – подумал Васька, и его прошиб пот. По-умному нужно было подойти к Жгуту и вынуть у него из-за пазухи мешочек с бурой пылью, но Васька не решился. А ну как волколаки уже рядом? Вон и тучи на солнце наплзли, а им только того и надобно.

Васька вздохнул, одернул полукафтан, поправил на плече котомку, отвел ножны в сторону, чтобы не били по ногам, – да и зашагал к меже.

Жгута было жаль, но не очень. Они были знакомы всего три дня. Раньше Жгут был стрельцом, но потом повздорил с княжьим поручиком, и его вышвырнули из дружины.

Смелый человек был Жгут, ничего не скажешь. Но уж больно угрюмый да самобытный. Никогда не знаешь, что у такого молчуна на уме.

Прошагав пару верст, Васька Оляха остановился, чтобы передохнуть, и достал флягу с водой. «Жаль, что бурая пыль Жгута пропала, – подумал он, глотая

прохладную воду. – Но уж лучше зернышко в руке, чем пятерня в жерновах. Хватит и одного мешочка».

Убрав флягу в котомку, Васька достал драгоценный мешочек и взвесил его на руке. Взять, что ли, щепоть? Васька решительно потрянул головой – нет, нельзя. Вот попадет он в княжий град, там и расслабится. Но не бурой пылью, а брагой и хмельным сбитнем.

Васька спрятал мешочек обратно за пазуху. Неподалеку завыл волколак. По спине Васьки пробежала дрожь. Он одернул полукафтан и быстро зашагал к Черному бору, за которым стояла каменная межа. Перейдет межу – и не достать его волколакам.

Шагая к меже, Васька представлял себе свое будущее богатство. На лице у него, несмотря на страх, повисла самодовольная улыбка. Хорошо быть добытчиком бурой пыли. За пару дней столько огребешь, сколько в поле самым тяжким трудом за год не заработаешь.

Под ногой у Васьки пыхнуло, вверх взвилось черное облачко. Сонный гриб! Васька заткнул нос пальцами, чтобы не нюхать грибную пыльцу, и побежал вперед, да было уже поздно. Голова у него закружилась, перед глазами поплыло. Пробежав еще несколько шагов, Васька споткнулся и повалился в траву.

Когда он снова открыл глаза, солнце на небе заметно переместилось. Верхний его краешек был затянут рваными тучами. Васька поднялся на ноги и помотал головой, прогоняя остатки сонной одури.

За спиной у Васьки хрустнуло. Он быстро обернулся. В паре шагов от него стоял Надей Жгут. Лицо добытчика было вымазано кровью.

– Жгут! – выдохнул Васька.

– Ты пошто меня бросил? – спросил Надей. Голос его прозвучал глухо и гулко, будто из глубокого колодца.

– Жгут, я...

И тут лицо Надея задергалось, отпорщилось, будто костям стало тесно под кожей. Глаза подернулись красной пеленой, верхняя губа слегка оттопырилась, и изо рта выползли два желтых клыка.

– Пошто бросил? – проговорил Жгут, пришепетывая губами. – Пошто?

Он вдруг вскинул руки с крючковатыми когтями и быстро пошел на Ваську. Тут бы и пришел Ваське Ольхе конец, кабы порыв ветра не сдвинул с неба тучу.

Желтый луч солнца упал Надею на лицо. И в тот же миг костлявую харю Жгута прорезал багровый рубец и от рубца поднялся едкий сизый дымок.

Жгут заревел и закрутился на месте, стараясь спрятать от солнца обожженную рожу. Васька в первый раз видел перед собой настоящего упыря...

Дрожа от ужаса, почти не соображая, что делает, Васька Ольга выхватил из ножен меч, шагнул к Жгуту и рубанул его мечом по шее.

Голова слетела с сутулых плеч Надея и шлепнулась на землю. Красные глаза смерили Ваську ненавистным взглядом.

– Сдохнешь здесь! – пролаял кривой обескровленный рот. – Сдохнешь! Он идет за вами! Он уже идет!

Лицо упыря дернулось и оцепенело. Васька сделал охоронный знак, отгоняя злых духов, пробормотал, как его учили добытчики:

– От гибели одичан, от напасти двойчан! Дух лесной, защити! – Затем нагнулся, вынул из-за пазухи Жгута мешочек с бурой пылью, сунул его под рубаху, повернулся и быстро зашагал прочь. В ушах у него все еще звучал страшный голос Надея: «Он идет за вами! Он уже идет!» Кто идет? Куда идет? Ничего не понятно.

Глава первая

В широком стакане мерно покачивались, постукивая о толстые стеклянные стенки, кусочки льда.

Прибой мерными пенистыми накатами напелзал на береговую полосу. Солнце светило ослепительно, море искрилось так, как может оно искриться только во сне, теплый песок ласкал подошвы босых ступней. Сногсшибательная блондинка в бикини остановилась перед шезлонгом, в котором сидел Глеб Орлов, улыбнулась, приоткрыв чувственные губы, и вдруг рывкнула:

– Орлов! Орлов!

Глеб дернулся от неожиданности и открыл глаза. Стул под ним накренился. Глеб попытался схватиться рукой за край стола, но пальцы соскользнули с полированной столешницы, и Глеб рухнул вместе со стулом на пол.

Редакторский кабинет наполнился смехом.

– Орлов, какого черта ты делаешь? – сердито спросил главный редактор Турук.

Глеб поднялся с пола.

– Я?.. – Он рассеянно огляделся. – По-моему, я упал.

Коллеги снова засмеялись, но Турук сверкнул на них свирепым взглядом, и все замолчали. У главного редактора Ивана Кузьмича Турука был тяжелый нрав, и журналисты его побаивались. Все, кроме Глеба.

– Орлов, ты опять уснул на редакционном совете, – багровея, проговорил Турук.

Глеб потер кулаками воспаленные глаза и ответил:

– Иван Кузьмич, я не уснул. Я просто задумался.

– Правда? И о чем, позволь узнать?

– Ну... – Глеб «завис», силясь придумать подходящий ответ.

– Освежаем третью полосу, – шепнула ему на ухо редактор отдела культуры Катя Королькова.

Глеб улыбнулся и изрек, беззастенчиво глядя Туруку в глаза:

– О том, как нам освежить третью полосу!

Турук побагровел еще больше.

– Для начала тебе не мешало бы освежить мозги, Глеб, – сказал он.

Коллеги снова засмеялись: одни простодушно, другие, желая подлизаться к Туруку, – издевательски. Однако Глеба этим было не пронять, он лишь пожал плечами и, прикрыв рот ладонью, сдержанно зевнул.

– Пора тебе завязывать с активной ночной жизнью, если не хочешь, чтобы дневная превратилась в дерьмо, – сказал Турук.

Глеб сделал возмущенное лицо:

– Иван Кузьмич, вы же сами послали меня в этот клуб.

– Точно, посылал. Но лишь затем, чтобы ты принес мне репортаж. Где репортаж? Он готов?

– Э-э... Да.

– И где он?

Глеб ткнул себя пальцем в лоб, улыбнулся и добродушно проговорил:

– Пока только здесь. Но через двадцать минут...

– Ох, Орлов, Орлов, – вздохнул Турук. – Ты меня в гроб загонишь. Здоровый парень, а все как мальчишка. Ты помнишь, что обещал взять у Алины Полях интервью? Хоть это-то ты сделал?

– Э-э... – «Сделал или нет?» – пронеслось в голове у Глеба. Точно ответить на этот вопрос он не мог, но, однако же, кивнул и уверенно заявил: – Конечно!

Тут Глеб тихонько потрянул головой, словно это могло помочь и собрать разбегающиеся мысли воедино, но в голове вместо этого заухал колокол.

– Что ты головой трясешь? – проскрежетал Турук. – Иди умойся и отдай текст интервью верстальщику. С тебя пять тысяч знаков – не больше и не меньше.

– Яволь, майн фюрер, – тихо проговорил Глеб.

– Что?

– Хорошо, Иван Кузьмич. Сейчас же этим займусь.

* * *

В кабинете Глеб первым делом сделал себе крепкий кофе, затем развалился в крутящемся кресле, достал из сумки диктофон и нажал на кнопку «воспроизведение».

– Алина, – услышал он свой хмельной голос, – между прочим, я ваш поклонник. Нет – правда! Я восхищаюсь вашим талантом!

– Ах, мужчины, все вы так говорите, – проворковала в ответ поп-звезда.

– Вы такая чувственная, такая...

– Какая?

Послышались невнятные шорохи, и вслед за тем голос Алины воскликнул с напускным возмущением:

– Что вы делаете, Глеб?

– Вы такая...

– Глеб, я позову на помощь!.. Зачем вы положили туда руку?.. Глеб, вы... Я... Вы... О-о-о!.. Да!.. Да!..

– Классное интервью! – раздался за спиной у Глеба насмешливый голос Кати Корольковой.

Глеб поспешно выключил диктофон и нахмурился.

– Кать, я...

– Ладно, Орлуша, не оправдывайся.

Катя, девушка среднего роста, с волосами скорее каштановыми, чем русыми, с правильными, но не слишком выразительными чертами лица, уселась на краешек стола и тонко усмехнулась.

– Эта Полях не пропускает ни одного мужика. Почему ты должен был стать исключением? У тебя сигареты есть? Мои кончились.

– Да, конечно.

Глеб сунул руку в карман и с удивлением вынул из него странный красный лоскуток непонятного происхождения.

– Что это? – ошарашенно спросил он сам себя.

– Трусики, – спокойно ответила Катя.

Глеб поморщился и швырнул трусики в ведро. Катя усмехнулась:

– Видимо, ты ей очень понравился, раз она подарила тебе свои стринги. Так ты дашь мне сигарету или нет?

Глеб достал из кармана пачку «Кэмела» и протянул Кате. Затем потер ладонями виски и жалобно вздохнул:

– Ни фига не помню.

– Это твое нормальное состояние, – заметила Катя.

Глеб скривился и проговорил:

– Ха-ха.

Королькова щелкнула зажигалкой и закурила. Затем взглянула на Глеба сквозь облако дыма. Рубашка его была помята, галстук съехал в сторону, но Орлова это, похоже, нисколько не тревожило.

Лицо Глеба, всегда напоминающее Кате лицо странствующего рыцаря, было надменно приподнято, а взгляд глубоко посаженных карих глаз выражал угрюмую растерянность.

Катя хмыкнула.

– Орлуша, попытайся хоть что-нибудь вспомнить. Даже в такой дырявой голове, как твоя, что-то должно остаться.

– За дырявую голову ответишь, – проворчал Глеб. Он снова потер виски и попытался сосредоточиться.

С полминуты они молчали. Глеб курил, при каждой затяжке слегка откидывая назад темноволосую голову. Желтый свет настольной лампы, которую никто не

позаботился отключить со вчерашнего вечера, падал на его худую щеку и нос – тонкий, с небольшой горбинкой, придававшей Глебу сходство с хищной птицей.

– Помню, как пили коктейль... – стал он рассуждать вслух. – Алина сама смешивала. Потом затянул полоску кокса...

– Кокса? – вскинула брови Катя.

Глеб смущенно пояснил:

– Алина предложила. Потом снова что-то пил, а дальше... – Глеб покосился на диктофон. – А дальше все как отрезало.

Катя помахала перед лицом рукой, отгоняя дым, и тоже посмотрела на диктофон.

– Судя по записи, ваша беседа дошла до логического завершения, – констатировала она. – Кстати, Турук ждет интервью. Что будешь делать?

Глеб вздохнул и пожал плечами.

– Понятия не имею. – Он сделал брови домиком и жалобно посмотрел на Катю. – Слушай, Кэт, а давай что-нибудь сами накропаем? В Сети куча ее интервьюшек. Там кусок, тут кусок – с миру по нитке, голому рубашка. И потом, все равно ведь текст нужно посылать на одобрение ее пресс-менеджеру.

Катя приподняла брови и осведомилась:

– Ты хочешь, чтобы я этим занялась?

– Кать, у меня башка просто раскалывается.

Королькова вздохнула и покачала головой.

– Ох, Орлов, и наглая же ты морда. Ладно, сделаю. Но говорить с пресс-менеджером будешь сам.

– Само собой.

Глеб, морщась, поднялся с кресла и попытался обнять Катю:

– Ты моя спасительница!

Катя отстранилась.

– Убери грабли. И, кстати, почисть зубы. От тебя несет дешевым пивбаром.

Когда дверь за Корольковой закрылась, Глеб откинулся на спинку вертящегося кресла и усмехнулся. Как все-таки здорово, что под рукой всегда есть Катька.

Глеб устало прикрыл глаза и подумал о том, как хорошо было бы сейчас выпить бутылочку холодного пива. От приятных мыслей его отвлекла скрипнувшая дверь. Глеб открыл глаза и увидел перед собой длинного чернявого типа с тощей кадыкастой шеей. Тип был угрюм и мрачен. Это был светский хроникер Яша Фендель.

– Здорово, Фендель! – поприветствовал его Глеб.

– Привет, Орлуша.

Яков взял со стола чашку Глеба и, запрокинув голову, сделал несколько больших глотков. Кадык на его жилистой шее ритмично дернулся.

– Ты откуда? – спросил Глеб.

Яша Фендель поставил чашку на стол и взглянул на коллегу хмурым, замученным взглядом.

– С вечерины, посвященной учреждению премии имени Козьмы Пруtkова, – ответил он с ироничной усмешкой. – Вручается за вклад в искусство.

– Хорошая была вечеринка?

– Угу. Черная икра, французское шампанское. И все сидят и жрут. Как свиньи у корыта. А рядом я – с диктофоном.

Орлов тихо засмеялся, но смех больно бултыхнул в затылке и висках, как вода в чугунном сосуде, и угас сам собой.

– И что с премией? – спросил Глеб, поморщившись. – Уже определился лидер?

– Угу.

– И кто он?

– Один психолог, написавший глубокое исследование, посвященное транснациональным корпорациям. И охота кому-то писать об этом дерьме.

– Говорят, что за транснациональными корпорациями будущее, – заметил Глеб.

– Точно, – кивнул Яша. – Я всегда говорил, что будущее – за концлагерями, в которых люди сведены до уровня функций, ими выполняемых. Кстати, встретил там Вадика Комарова. Он теперь горбатится в журнале «Эго-номист». Если не врет, у них гонорар раза в два больше нашего.

– Вау! – утрированно отозвался Глеб. – А, собственно, чего ты хочешь? Они позиционируют себя как журнал для истеблишмента общества. Для самых продвинутых его слоев.

Яша Фендель угрюмо поморщился.

– Ой, вот только не надо. Меня сейчас стошнит. Какой, на фиг, «истеблишмент»? Очертили аудиторию, обозвали ее «истеблишментом» и показали рекламодателю, чтобы он знал, за что платит деньги.

Глеб тихо засмеялся.

– Ну тебя и проняло, Яков Михалыч. А я думал, ты придешь возвышенным и просветленным. Все-таки пообщался с художниками.

– Художники! – брезгливо оттопырил губу Фендель. – Художник – это человек, который при слове «масло» вспоминает о холсте, а не о бутерброде. Вот брошу все и уйду в пиар, – мрачно пообещал Яша. – Там люди хоть деньги зарабатывают. Ладно, пойду.

– Ты куда сейчас?

– На презентацию новой коллекции Биккембергса. Опять придется жрать эту чертову икру и запивать шампанью.

– Мне бы твои проблемы.

– А мне бы твои. – Фендель прищурился. – Говорят, минувшей ночью ты оприходовал Алину Полях?

– Это еще вопрос, кто кого «оприходовал».

– И как там она?

Глеб нахмурился и вздохнул:

– Не помню.

Яша Фендель усмехнулся кривоватой усмешечкой бывалого ходока:

– Жаль. Я бы не забыл. Ну, все, я ушел.

И он, ссутулившись, побрел к двери.

Едва за Фенделем закрылась дверь, как зазвонил телефон. Глеб нехотя снял трубку:

– Алле.

– Орлов, зайди ко мне! – прорычал из трубки вечно недовольный голос редактора Турука.

– А что случилось? – невозмутимо осведомился Глеб.

– Случилось то, что тебя вызывает к себе начальник. Я думаю, это достаточно веская причина, чтобы оторвать зад от кресла?

– Иван Кузьмич, ну какой же вы начальник?

– Что-о?

– Вы не начальник, вы – отец родной.

– Был бы я твоим отцом, Орлов, я бы снял ремень...

– Не стоит, Иван Кузьмич. У вас беременная секретарша. Если она увидит вас без штанов, она родит прямо в приемной. Конечно, у этого события может быть и положительная сторона. Например, мальчика могут назвать вашим именем. Хотя я не уверен, что «Иван Кузьмич» – подходящее имя для младенца.

– Все сказал?

– Да.

– Быстро ко мне!

– Яволь, майн фюрер!

Глеб грохнул трубку на рычаг и утомленно откинулся на спинку кресла.

В кабинете главного редактора он появился только через пять минут. Турук сверкнул на него гневным взглядом:

– Почему так долго?

Глеб потупил взгляд и смиренно пролопотал:

– Иван Кузьмич, вы так грозно со мной разговаривали, что я, извините, захотел в туалет. А там – очередь из беременных секретарш.

– Все остришь? Когда-нибудь переостришь сам себя.

Глеб добродушно улыбнулся.

– Звучит как угроза. А вы сами учили нас, что настоящий журналист не должен бояться угроз.

Турук повернулся к седовласому человеку, который сидел в красном кожаном кресле, предназначенном для важных гостей, и сказал:

– Вот, Костя: сам видишь, с кем приходится работать.

Седовласый мужчина сдержанно и вежливо улыбнулся.

– Глеб, познакомься – это Константин Евгеньевич Земцов, – представил гостя Турук. – Он профессор-археолог. Когда-то мы с ним сидели за одной партой и мечтали, что когда-нибудь потрясем мир!

– Лично меня вы потрясаете каждый день, – заметил Глеб.

Пожав седовласому мужчине руку, Глеб рухнул в кресло и закинул ногу на ногу. Профессор Земцов был невысок, полноват, седовлас и опрятен. Одет он был в темно-серый костюм и белую шелковую рубашку с расстегнутой верхней пуговкой. Верхнюю губу и узкий подбородок профессора украшали темные усики и черная бородка клинышком.

– Итак? – развязно поинтересовался Глеб. – О чем будем беседовать?

Турук побагровел и сжал кулаки, но сказать ничего не успел, поскольку «друг детства» опередил его.

– Глеб, – вежливо обратился он к Орлову, – вы что-нибудь слышали про аномальную зону под названием Лес мертвецов?

Глеб отрицательно качнул головой.

– Нет. А такая есть?

– Есть. Причем относительно недалеко, всего несколько часов на поезде от Москвы. В этом месте законы природы дают сбои. Несколько раз в Лесу мертвецов пропадали туристы. В Долине смерти, неподалеку от озера, – целое кладбище скелетов животных. Счетчик Гейгера щебечет, как соловей. Кроме того, часы начинают вести себя странно – то у всех геологов отстают на пятнадцать минут, то, наоборот, убегают вперед. Но и это еще не все. Местные жители утверждают, что через каждые полвека здесь происходят непонятные явления. Говорят, в частности, что вблизи Пепельного озера появляются волки с женскими головами. Там же, на берегу, якобы живут страшные колдуньи, которые заманивают запоздалых путников в зазеркальный мир.

– Повезло аборигенам, – сказал Глеб и достал из кармана сигареты.

– Орлов! – предостерегающе окликнул Турук.

– Простите. – Глеб вздохнул и убрал сигареты в карман. – И что дальше?

– Две недели назад, – продолжил профессор Земцов, – мои студенты ездили в окрестности Леса мертвецов.

– Не самое лучшее место для пикника, – заметил Глеб.

– Мы занимались раскопками, – пояснил Константин Евгеньевич. – И в органогенном культурном слое обнаружили нечто удивительное. Сейчас я вам покажу.

Профессор Земцов наклонился к портфелю, стоявшему у стола, расстегнул его, вынул какой-то сверток и положил его на стол.

– Вот, – сказал он, слегка побагровев от усилий и волнения. – Сейчас вы увидите!

Он бережно, словно обращаясь со спеленутым ребенком, развернул тряпицу и пододвинул предмет к Глебу. Глеб протянул руку, чтобы взять, но Земцов

предостерегающе поднял ладони и торопливо проговорил:

– Нет-нет, не стоит трогать руками! Вещь очень хрупкая.

Глеб пожал плечами и убрал руку. На столе перед ним лежала разрисованная глиняная дощечка. Взглянув внимательнее, он увидел, что это портрет девушки – симпатичной юной блондинки с тонкими чертами лица и огромными ярко-синими глазищами. Карие глаза Глеба мягко замерцали, словно у голодного кота, который увидел кусок масла.

– Это что, картина? – поинтересовался он.

Профессор кивнул:

– Да.

– Симпатичная девушка. А что в ней необычного?

Профессор и Турук переглянулись, как два преподавателя, вынужденных принимать экзамен у студента-двоечника.

– Это старинная парсуна, написанная на терракотовой черепице, – объяснил профессор Земцов с такой гордостью, словно сам ее и написал. Затем добавил с придыханием: – Она пролежала в земле много столетий! Возможно, ей больше тысячи лет!

Глеб покосился на портрет девушки и изрек:

– Для старушки выглядит неплохо.

– Да, она замечательно сохранилась, – улыбнулся Константин Евгеньевич. – Глеб, вы не замечаете в парсуне ничего странного?

Глеб снова посмотрел на глиняную дощечку и пожал плечами.

– Да нет, – сказал он. – А что я должен заметить?

– Обратите внимание на брошь, приколотую к платью девушки.

Глеб обратился. Брови его стремительно взлетели вверх. Он поднял взгляд на профессора и недоверчиво спросил:

– Это то, о чем я подумал?

– Именно, – кивнул Земцов. – Брошь сильно напоминает циферблат часов, не правда ли?

Глеб тряхнул головой, словно прогонял наваждение, и поморщился от гулкой похмельной волны, ударившейся в затылок.

– Ну, это чепуха, – сказал он. – Просто немного похоже.

Профессор Земцов просиял.

– Это еще не все! Она так хорошо сохранилась, потому что была завернута в полиэтиленовый пакет!

– Ах, вот оно что! – Глеб с облегчением улыбнулся. – Профессор, вы меня, конечно, извините, но думаю, что кто-то из ваших студентов решил вас разыграть.

– Орлов! – сурово осадил его Турук.

Глеб посмотрел на редактора невинным взглядом.

– Иван Кузьмич, я просто называю вещи своими именами. Не будете же вы утверждать, что тысячу лет назад люди носили на руке «Ролекс», а в лавку ходили с полиэтиленовыми пакетами?

– В мире есть множество подобных случаев, – взволнованно затараторил седовласый профессор. – В польском местечке Грабове во время добычи известняка рабочие обнаружили прекрасно сохранившийся железный меч, изготовленный примерно в четырехсотом году до нашей эры.

Спектрографический анализ металлической инкрустации дал совершенно

необычные показатели – она на восемьдесят процентов состояла из алюминия! А ведь принято считать, что алюминий впервые был изготовлен человечеством лишь в начале девятнадцатого века!

Глебу было глубоко плевать на алюминий, поэтому он не выразил бурного восхищения или удивления, а просто пожал плечами. Профессора это, похоже, расстроило.

– Вижу, вы не удивлены, – констатировал он, немного сникнув. – Хорошо. А как вам такой пример: на острове Пасхи в одном из торфяных болот был найден средневековый рыцарь в полной амуниции и на коне!

– И что?

– А то, что монеты, обнаруженные у него в кошельке, были отчеканены за несколько веков до открытия острова! Что скажете?

– Чудеса в решете, – ответил Глеб.

– Вы не верите в чудеса? Но время от времени они происходят!

– Только не со мной, – возразил Глеб. – Правда, один раз я видел чудо. Это когда ваш бывший однокашник Иван Кузьмич Турук выписал мне премию.

– Это было не чудо, – возразил Турук. – Это была бухгалтерская ошибка. Тебе начислили деньги вместо Димы Рогова.

Глеб вздохнул.

– В том-то и дело. Выходит, чудес совсем не бывает. И все эти аномальные зоны – такая же выдумка, как летающие драконы, волки-оборотни и шестикрылые серафимы.

Турук хмыкнул, повернулся к приятелю и сказал:

– Вот видишь, Костя, именно об этом я тебе и говорил.

– Да, – кивнул тот. – По-моему, он подходит идеально.

– Не знаю. На мой взгляд, он слишком легкомыслен.

– Есть немного, – снова согласился профессор. – Но во всем виновата молодость.

Глеб, который во время этого маленького диалога переводил взгляд с одного старика на другого, обиженно нахмурился.

– Господа, я все еще здесь!

Турук взглянул на Глеба так, словно увидел его впервые.

– А я думал, ты опять убежал в туалет, – неуклюже сострил он. – Ладно, Орлов, давай к делу. Я хочу, чтобы ты отправился в Лес мертвецов. Пообщаешься с местным населением, осмотришься на месте... Ну и сделаешь мне хороший репортаж.

Глеб смотрел на редактора удивленно и недоверчиво.

– Зачем это вам? – поинтересовался он.

– Затем, что я его попросил, – снова заговорил профессор Земцов. – Возможно, эта статья поможет обратить внимание на проблему аномальных зон.

Глеб посмотрел на редактора с насмешливым упреком.

– Иван Кузьмич, у нас, журналистов, это называется «джинса».

Турук качнул лысоватой головой:

– Нет, Глеб, это называется «помощь старому другу». Я заплачу тебе за статью по двойному тарифу. Плюс шикарные суточные.

– Сколько? – деловито осведомился Глеб.

– Сто долларов в сутки.

Глеб снисходительно усмехнулся.

– Всего лишь? Иван Кузьмич, между прочим, я буду рисковать жизнью. А она у меня одна.

– Именно поэтому я буду платить тебе по сто баксов в день. Большого твоя никчемная жизнь, увы, не стоит. Ну, так как? Ты согласен?

Глеб несколько секунд размышлял, затем нахмурился и проворчал:

– Иван Кузьмич, вы из меня веревки вьете. Ладно, помогу вашему другу.

– Отлично!

– Но у меня есть еще одно условие, – важно добавил Глеб.

– Какое? – насторожился редактор.

– Премия Димки Рогова останется у меня.

Турук пошевелил бровями, поиграл желваками, покусал губы, потом махнул рукой и со вздохом проговорил:

– Ладно, черт с тобой. Уточнишь детали с Константином Евгеньичем, а потом отправляйся домой и собирай походный рюкзак. И чтобы никакого коньяка, понял? Не на шашлыки едешь!

2

Проводника звали Бахтияр. Это был пожилой, кряжистый манси с обветренным морщинистым лицом, в ватной куртке и шерстяной шапочке, плотно натянутой на лысую, шершавую, будто картофелина, голову. На плече у него болталось

что-то вроде самодельной кожаной кобуры, из которой торчал потертый приклад ружья.

До леса они добрались на лодке по реке Лызьве. Первое, что поразило Глеба, когда он выбрался из лодки на берег, это необыкновенная тишина леса. Сам лес был темный и влажный. Дубы, березы, редкие сосны. Внизу – подлесок из густых зарослей бузины.

– Мои предки здесь тысячу лет живут, – рассказывал, бесшумно ступая по валежнику, старый охотник Бахтияр. – Раньше их вогулами называли. А место здесь нехорошее. Плохое место.

Глеб ничего не ответил. Он продолжал любоваться природой. Лес действовал умиротворяюще. Комаров в эту пору не было – гуляй себе да дыши свежим воздухом. Красота!

– ХолатСяхыл – нехорошо, – снова забубнил проводник, и на этот раз голос его прозвучал недовольно. – Ты туда идешь – духи злиться будут. Когда духи злятся, много плохого делают.

Глеб прищурил карие глаза.

– Ничего. Если разгневаются, я им отстегну двадцать процентов от своего гонорара.

– Кто такой Гонорар?

– Мой большой друг. Жаль только, что видимся мы с ним редко.

– Да, жаль, – отозвался Бахтияр. – Друг не видеть – совсем плохо. Один человек – совсем плохо. И ХолатСяхыл – тоже плохо.

– Ты повторяешься, Бахтияр.

В сумбуре, творившемся в голове у Глеба, всполохами зажигались разные мысли.

«Таньке Вершининой так и не позвонил. А ведь ждет, наверное. Вот дуреха-то... Какого черта я ее вообще в койку потащил? Ведь не нравилась даже...»

Старик шагал так бодро и споро, что Глебу пришлось поднажать, чтобы от него не отстать.

«Диск с новым «Шреком» в прокат не вернул, – с досадой подумал он. – Штраф теперь платить придется...»

В шевелюре сосны защебетала какая-то птица. Глеб прислушался к ее чириканию и вздохнул.

«И тренировку теперь придется пропустить... Ромка Темченко в хорошей форме. И удар с правой у него нокаутирующий. А я курю. И пью больше, чем нужно. Если выиграю на областных, брошу курить и побреюсь наголо! Клянусь!»

Внезапно лес расступился, и Глеб увидел перед собой две мощные каменные арки.

– Это что? – спросил он, едва не охнув от удивления.

– Межа, – ответил Бахтияр и остановился так резко, что Глеб едва на него не налетел. – Ворота в Гиблое место, – пояснил старик манси. – Здесь отдыхать будем. Бросай рюкзак!

Орлов с наслаждением стянул с плеча тяжеленный рюкзак и опустил его на траву.

– Уф-ф... – выдохнул он.

Бахтияр улыбнулся.

– Устал?

– Есть немного.

– Отдыхай. А я пойду в лес.

– Зачем?

– Скоро приду, – проронил вместо ответа старый охотник и, сойдя с полянки, шагнул в лесную чащобу.

Немного переведя дух, Глеб подумал, что ему тоже нужно что-то сделать для общего дела. Например, нарубить дров. Предвкушая удивление Бахтияра, Орлов отстегнул от рюкзака топор и двинулся к группе молоденьких, но почему-то уже засохших березок, видневшихся неподалеку.

Выбрав в качестве первой жертвы крайнюю, самую чахлую и беззащитную, журналист размахнулся топором и рубанул по стволу. Раздался треск ломаемой ветки. И тут же на запястье у Глеба что-то громко щелкнуло. Орлов опустил топор и глянул на руку. В его новеньких часах отвалились стрелки.

– А чтоб тебя! – яростно выругался Глеб. – А еще швейцарские! Лучше бы «командирские» купил. Те хоть не жалко.

Из леса выскочил старик Бахтияр. Метнулся к Глебу и, наморщив сухое лицо, крикнул:

– Ты что делал?

– Да вот, дров хотел нарубить, – объяснил Глеб, слегка опешив от такого напора.

Глаза старика сверкнули. Он вырвал топор из пальцев Глеба и отшвырнул его в сторону.

– Нельзя! – яростно проговорил Бахтияр. – Нельзя рубить!

– Почему? – удивился Глеб. – Они же сухие.

– Большой грех! Сорни-Най мстить будет!

– Кто такой Сорни-Най?

– Богиня! Всех, кто лес не уважает, Сорни-Най будет убивать!

– Сорни-Най, Сорни-Най, – обиженно проворчал Глеб. – Подумаешь, пара сухих веток.

Взгляд старика смягчился.

– Садись на траву, – сказал он. – Костер зажигать будем. Еду готовить.

Только сейчас Глеб заметил в руке у Бахтияра холщовую сумку. Старик перевернул ее и высыпал на траву груду грибов.

– Что это? – спросил Глеб.

– Грибы, – ответил Бахтияр.

Глеб посмотрел на коричневые, покрытые лесным мусором шляпки и, нахмурившись, уточнил:

– Поганки?

– Зачем поганки? Опята! Сейчас жарить будем. Отдыхай пока.

Глеб пожал плечами и уселся на траву, а старик занялся разжиганием костра. Не прошло и десяти минут, как на полянке запылал, уютно потрескивая сухим валежником, рыжий костерок.

* * *

Бахтияр настругал палочек, нанизал на них грибы и воткнул палочки в землю рядом с костром. Вскоре грибы сморщились и потемнели.

– Готово! – сказал старый охотник. Он взял одну палочку и протянул ее Глебу.

– Ешь. Вкусно.

Глеб взял палочку, куснул зубами жареный гриб, пожевал и едва сдержался, чтобы не выплюнуть. «Дрянь какая», – подумал он.

– Хороший еда? – поинтересовался охотник-манси.

– Хороший, – ответил Глеб, не желая обижать старого охотника. – Ресторан «Максим» отдыхает. Но я больше люблю консервы. Не возражаешь, если открою баночку печеночного паштета?

Бахтияр не возражал.

Вместе с банкой паштета Глеб достал из рюкзака бутылку коньяка «Кутузов», подаренную ему одним бизнесменом, фирму которого Глеб ненавязчиво упомянул в своей статье.

Подлое, конечно, дело, но сейчас, уплетая бутерброд с паштетом и глотая двадцатипятилетний коньяк прямо из горлышка, Глеб нисколько не жалел о своем поступке. Уж больно хорош был этот «Кутузов».

Бахтияр от коньяка отказался, заявив, что Сорни-Най не любит пьяных. Глеб высказал старику все, что думает про вредную Сорни-Най, и в одиночку выхлебал полбутылки коньяка. На природе сам бог велел!

Пока Глеб заканчивал ужин, Бахтияр разбил у межи палатку. Глядя, как он возится с колышками, Глеб вдумчиво проповедовал:

– Ты, Бахтияр, слишком суеверен. Я понимаю, твои предки верили во всю эту галиматью с Сорни-Най, но ты-то – человек двадцать первого века. Даже в ваш дремучий поселок давно пришла цивилизация. Вот скажи мне, Бахтияр, ты смотришь телевизор?

– Нет, – ответил старик, вбивая колышек.

Глеб отхлебнул коньяка и вытер рукавом рот.

– Ну а электричеством пользуешься?

– Нет, – снова ответил старик.

Глеб удрученно покачал головой.

– Плохо дело. Вот и выходит, Бахтияр, что не хочешь ты шагать в ногу с веком.

– У века свой нога, у Бахтияра – свой, – незлобливо отозвался старик.

Глеб вздохнул.

– Хороший ты человек, Бахтияр, только темный... Ладно, что с тебя возьмешь. Как там палатка, готова?

Старик выпрямился и отряхнул руки.

– Готова.

– Пойду отдохну. Ноги гудят, будто я на пик Коммунизма забрался, пешком и без тапочек. – Глеб поднялся на ноги и, покачиваясь, побрел к палатке. Перед тем как войти, остановился и сказал: – Если усну, до утра уже не буди.

– Спи-спи, – улыбнулся старик. – Будить буду рано.

– В этом я не сомневаюсь.

Глеб вздохнул и ввалился в палатку.

* * *

Однако поспать до утра не удалось. Ночью разыгралась гроза. Глеб проснулся от раскатов грома, поднял голову и позвал в темноте:

– Бахтияр!

Старик не отзывался.

– Эй, Бахтияр, ты здесь?

Ответа не было. Видимо, старик вышел отлить. Нашел время. Глеб снова опустил голову и зевнул. По крыше палатки застучал ливень.

Дробный перестук подействовал на Глеба усыпляюще. Вскоре он снова задремал. Но поспать удалось недолго. Что-то хлюпнуло наверху, и на лицо Глеба потекла ледяная вода.

– Черт! – крикнул Глеб, поднялся в спальном мешке и отполз в сторону. – Бахтияр, палатка протекает!

Ответа не последовало. Глеб пошарил вокруг себя руками, надеясь наткнуться на спящего Бахтияра, но нашарил лишь пустой спальный мешок. И тут на палатку что-то упало, раздался треск разрываемой ткани, и на голову Глебу хлынул поток.

Глеб, чертыхаясь, выбрался из спального мешка, подхватил теплую куртку и выскочил из дырявой палатки.

На улице он накинул куртку на голову и оглядел палатку. На порванном брезенте висела огромная сучковатая ветка.

Глеб потянулся, чтобы убрать ее, но тут дождь захлестал с новой силой. Глеб спешно свернул спасательные работы и, держа над головой расprostертую куртку, побежал к ближайшему дереву.

Вокруг творился какой-то ад. Дул ураганный ветер, стонали деревья, небо озаряли вспышки молний, от оглушительных раскатов грома вздрагивала земля.

Глеб накинул на голову куртку, как платок, прижал к груди рюкзак и, трясаясь от страха и бормоча под нос что-то вроде молитвы, сжался в комок под высоким дубом.

Когда молния ударила в дуб, Глеб успел увидеть яркую вспышку и почувствовать мгновенный запах озона. А потом вселенная погрузилась во мрак, и его стало стремительно затягивать в какую-то черную воронку, озаренную всполохами молний.

3

В шевелюре темного дуба защebetала птичка. Глеб открыл глаза, но тут же снова зажмурил их от яркого солнечного света. Выждал несколько секунд и повторил попытку, но на этот раз действовал осторожнее. Приоткрыл один глаз, затем второй, потом повертел головой и обнаружил, что лежит на траве под раскидистым дубом.

Вдруг что-то нависло над ним, заслонив полнеба.

– Гляди-ка, живой! – удивленно проговорил сипловатый голос. – А мне примнилось – мертвый ты. Ты меня не бойся, я не из охоронцев, я сам по себе.

Орлов приподнялся и, постанывая, уселся на траве. В глазах у него зарябило.

– Черт... Это ж надо так треснуться башкой, – пробормотал Глеб, все еще не в силах прийти в себя после пережитого потрясения.

Он с усилием потер пальцами виски и страдальчески посмотрел на незнакомца. Это был совсем еще молодой парень, коренастый, широкоплечий, широколицый, толстогубый, с копной рыжевато-русых волос на голове. Одет юный верзила был в длинную светлую толстовку и какую-то странную курточку-безрукавку из траченного молью меха. На ногах у парня были сильно заношенные кожаные сапоги с высокими голенищами.

– Кто ты? – спросил Глеба парень, сурово сдвинув брови. – И как тут очутился?

– Я... – Глеб запнулся и поглядел по сторонам обескураженным взглядом. – Слушай, друг, а где я? Что это за каменные столбы?

– Это межа, – объяснил парень. – За ней Гиблое место. Да ты ведь и сам знаешь.

Глеб потер пальцами лоб. Межа... Что-то такое маячило в подкорке, но уловить ускользающую мысль у Глеба не получалось.

– Значит, межа... – неопределенно пробормотал он.

– Ну да, межа. – Парень прищурил светлые глаза, чуть помедлил, а потом выпалил: – Я Васька Оляха. А тебя как кличут?

Глеб не ответил. Пытаясь сообразить, где он и что, собственно, происходит, Орлов достал из кармана пачку «Кэмела» и зажигалку. Васька Оляха уставился на эти предметы с нескрываемым любопытством.

– Это у тебя чего? – спросил он.

– «Кэмел». Будешь?

Вихрастый покачал головой:

– Не.

Глеб поднес зажигалку к сигарете и крутанул колесико. Парень уставился на зажигалку во все глаза.

– Чудное огниво! – пробормотал он изумленно. – Это ты в Гиблом месте нашел?

– Нет. В ЦУМе. И не нашел, а купил.

Некоторое время парень смотрел на Глеба недоверчивым, подозрительным взглядом, а потом спросил:

– Чужеземец, ты колдун?

Глеб поморщился от боли в затылке, затем отвернулся и пробубнил с досадой:

– Везет мне на сумасшедших. Да, я колдун! Маг с Востока.

Теперь парень смотрел на Глеба со страхом и уважением.

– Ты воскурил эту палочку для своих богов? – поинтересовался он, разглядывая сигарету.

Глеб кивнул.

– Угу. Приношу в жертву великому богу Никотину собственные легкие.

– Да примет бог Никотин твой жертвенный дар! – искренне пожелал парень.

– Спасибо. – Глеб прикрыл глаза и с полминуты сидел молча, пытаясь собрать разбегающиеся мысли воедино. В голове все еще звенело, как после глубокого нокаута.

– Надо торопиться, – сказал Васька, и в голосе его прозвучала тревога. – Если не уберемся отсюда до темноты, будет худо.

– А что будет? – рассеянно спросил Глеб.

– Мы за межой, но Гиблое место рядом, – хмуро ответил Васька. – Никогда не знаешь, какой подарочек оно тебе преподнесет. Чем дальше от него, тем спокойнее. Прости, колдун, но как мне тебя называть?

– Зови меня... – Глеб на секунду задумался, потом усмехнулся и договорил: – Галеб Табак ибн Алкоголь.

Васька вскинул брови, качнул круглой головой:

– Мудрено-то как зовешься. А коли покороче?

– Если покороче, то просто Глеб.

Орлов посмотрел на физиономию парня, окинул взглядом его нелепую фигуру, затем покосился на каменную межу, и в сердце его снова засадила тоска.

«А может, это галлюцинация? – подумал Глеб. – Старик дал мне какие-то грибы... Что, если это были не просто грибы? Эти манси – они ведь все шаманы. А где шаманы, там и наркота. Но если я под кайфом, то что из того, что я вижу и слышу, реальность, а что – бред? Например, этот парень – он существует в реальности или я его просто выдумал?»

В голове Орлова вновь заухал колокол. Глеб скривился и вспомнил, что перед сном выпил коньяку. А потом, ночью... Ночью что-то случилось. Но что?.. И вдруг его пробрал озноб, а по спине стекла струйка холодного пота. Глеб понял, что в памяти у него образовался огромный провал. Он, например, совершенно, не помнил, зачем сюда пришел. Он помнил морщинистую физиономию проводника... Как же его звали?.. Какой-то охотник... Помнил, что они высадились из лодки, а потом пошли... Вокруг были деревья... Вот эти самые деревья, которые и сейчас здесь. Были каменные столбы... «Межа» – кажется, так они называются. А вот бурелома по обе стороны от столбов не было. Точно не было. Неужели за ночь столько навалило?

Глеб нахмурился и взглянул на наваленные ветки. Они выглядели так, словно были навалены сюда специально. И еще – бурелом расходился от каменной межи в обе стороны, будто ограждение.

Да и вся местность выглядела как-то иначе. А что это там темнеет в траве? Глеб протянул руку и поднял с земли длинный, темный, тяжелый предмет. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что это ружье в потертом, очень жестком кожаном футляре. К футляру был пришит кожаный карман на трех пуговицах-кнопках. Глеб отщелкнул их и заглянул внутрь. В кармашке было два патрона.

«ХолатСяхыл – нехорошо... – прозвучал в голове у Глеба хриловатый голос старика. – Сорни-Най мстить будет...»

– Это чего? – с любопытством глядя на ружье, осведомился Васька. – Твой посох?

– Да, – рассеянно ответил Глеб. – Называется «ружье».

В душе у Орлова засадила тупая игла. Что же он тут делает? И кто он? Глеб положил ружье на траву, зажмурился и изо всех сил напряг память. В голове замелькали какие-то смутные образы – обложки журналов, бокалы с коктейлями, чья-то голая женская грудь... Но, кроме того что его зовут Глеб, Орлов так ничего и не смог вспомнить.

Тогда он попытался вспомнить хотя бы дату. Какое сегодня число? Какой месяц?

Глеб напрягся и... вновь провал. Сердце забилося учащенно. Теперь у Глеба вспотели ладони, а желудок свело от внезапного приступа страха.

«Главное – не паниковать, – сказал он себе. – Вспомни тех парней в больнице!»

Полгода назад он делал репортаж о психиатрической клинике и видел там людей с частичной амнезией. Целые куски прошлого исчезли из их памяти. Впечатление они производили жалкое, но врач утверждал, что со временем память может восстановиться.

Главное – не паниковать! По крайней мере, теперь было понятно, что он – журналист. Правда, что это такое – «журналист», Глеб не смог сформулировать для себя достаточно четко.

– Колдун, а колдун? – снова заговорил парень.

Глеб вздрогнул и открыл глаза.

– Чего тебе?

– А что ты тут делаешь?

– Отдыхаю, – мрачно ответил Глеб. – Приехал на пикник, но отстал от группы. Слушай... как тебя... Васька... ты здесь случайно не видел старика в ватнике?

– Нет, не видал. В Гиблое место мало кто ходит. – Васька вздохнул и огляделся. – Много народу тут померло. Кто оборотню в зубы попал, а кого упыри слопали.

– Упыри?

Васька кивнул. Затем опасливо покосился на каменную межу, вокруг которой были навален бурелом, образовывавший невысокую стену, перевел взгляд на клонящееся к закату солнце и сказал:

– Упырю нужна живая плоть. Не найдет, заживо сгниет.

Глеб усмехнулся. Веселый парень этот Васька Оляха. Может, он тоже отведал грибов?

– А откуда они взялись, эти упыри? – поинтересовался шутки ради Глеб.

– Известно откуда. Помрешь за межой – сам в упыря превратишься. Будешь бродить по лесу вонючим шатуном и за межу рваться. Иногда это у них получается.

– Что получается?

– За межу прорваться. Тогда они по деревням да селам шалят.

В висках у Орлова снова заломило. Он поморщился и машинально достал из маленького кармашка рюкзака жевательную резинку. Хотел сунуть в рот, но вспомнил о правилах приличия и протянул одну подушечку Ваське.

– Будешь?

– Чего это?

– «Орбит». Со вкусом арбуза.

Орлов положил на мозолистую ладонь парня белую подушечку. Васька внимательно подушечку осмотрел, понюхал, потрогал пальцем и только после этого сунул в рот. Конопатое лицо парня осветилось, словно внутри его черепа кто-то включил лампочку.

– О-ох... – восторженно выдохнул Васька. – Вкуснотища-то какая! – Кадык парня дернулся, и он вновь взглянул на Глеба: – Есть еще?

– Ты что, проглотил?

– Ну.

Глеб удивленно хмыкнул.

– Ну, держи. Только это последняя.

Васька отправил в рот еще одну подушечку «Орбита» и блаженно прикрыл глаза.

Внезапно в похмельную голову Глебу пришла неприятная мысль.

– Слушай-ка, Васька... Ты сказал, что это Гиблое место.

– Ну да. Про то все ведают!

– А если оно гиблое, то какого черта мы здесь сидим? Здесь ведь опасно?

Васька усмехнулся и помотал вихрастой головой.

– Опасно, да не очень. Упыри неповоротливы. А волколаки и ночью-то редко за межу выходят, а днем и подавно нос не высунут.

– Волколаки? – Орлов кисло улыбнулся. «Точно грибы, – с тоской подумал он. – И какого хрена я их ел?»

– А ты сам-то что здесь делаешь? – спросил он у парня.

– Я-то?.. – Парень стушевался. – А заблудился я. По грибы пошел да и заблудился.

– А грибы твои где?

– Грибы? Да потерял.

Васька явно врал. Но допытываться до правды Глеб не собирался. Если парень врет, значит, у него есть на то свои причины.

– А ты что про меня подумал? – спросил вдруг Васька, опасливо вглядываясь в лицо Глеба. – Что я добытчик? Так ты не думай. Я бурую пыль всего два раза-то и видел. И только в блажном доме.

Глеб ничего не понял в этой абракадабре и лишь поморщился.

Тем временем Васька Ольха извлек откуда-то из-под зада котомку и стал в ней рыться.

– Разделишь со мною трапезу, колдун? – поинтересовался он, вытаскивая из котомки что-то, завернутое в просаленную тряпицу.

При упоминании о еде в желудке у Орлова заурчало.

– Да... – ответил Глеб неуверенно. – Наверное.

Васька разложил тряпицу, и Глеб увидел небольшой кусочек сала, вываленный в соли.

– Сало?

Васька кивнул.

– Ну! Тетка Яронега солила! А к нему у меня хлебушек есть. Да и луковицей дух запечный не обнес.

У Глеба вдруг свело желудок от голода. Он увидел рядом с куском сала берестяной туесочек и спросил:

– А там у тебя что?

Васька открыл туесок и вытряхнул на тряпицу несколько жареных тушек со скрюченными лапками. Орлов наморщил лоб и брезгливо оттопырил губу.

Васька придвинул к Глебу одну тушку и улыбнулся.

– Угощайся, колдун, не побрезгуй.

– Это крысы?

– Что ты! Я не домовой, чтобы крыс жрать. Это земляные жабы. Я их сам в выгребной яме наловил.

Он сунул обжаренное тельце жабы в рот и с хрустом откусил ей голову.

– Мы их специально в яме разводим, – объяснил Васька Оляха с набитым ртом. – Тетка Яронег их летом в золе коптит да на солнце сушит, а зимой односельчанам продает. По денежке за штуку. Ты ешь-ешь, не смущайся! У меня еще много!

Глеб поморщился. В лицо ему вдруг пахнуло холодным ветром, и по траве пробежал шелест, похожий на шепот.

Глеб заметил, что Васька напрягся.

– Знаешь, чужеземец... – тихо проговорил он. – Пора нам отсюда убираться.

– А что слу...

– Тихо! – хрипло выдохнул парень и напряженно на что-то уставился.

От этого его взгляда Глебу сделалось не по себе. Лицо Васьки застыло, пальцы сжали котомку так сильно, что у него побелели костяшки пальцев.

– Духи лесные, защитите от напасти, – взволнованно прошептал парень, глядя куда-то за межу. – Не дайте сгинуть во цвете лет...

Глеб проследил за его взглядом. В высокой траве кто-то был. Глебу даже показалось, что он слышит тихое рычание. Может быть, это бродячие собаки? Бабка Глеба жила в селе, и осенью по лесам бегало много бродячих собак,

которые остались после закрытия лагерей и пансионатов. Видимо, здесь то же самое.

При мысли об одичавших собаках под ложечкой у Орлова засосало. Бродячих собак он не любил и побаивался.

– Что ты там увидел? – спросил Глеб, невольно перейдя на шепот.

– Кажись, оборотни... – прошептал в ответ Васька, и от его замогильного шепота по спине Глеба пробежали мурашки.

Глеб отчетливо увидел, как две темные морды поднялись из травы. Глеб не смог их хорошенько разглядеть – мешала трава. Да и высунулись они лишь на пару секунд.

– Они нас не видят?

– Видят, но плохо. Их дневной свет слепит. Заметили! – воскликнул вдруг Васька и дернул рукой.

Глеб с изумлением увидел в правой руке парня короткий меч.

Твари, скользя в высокой траве, медленно приближались. Васька заклацал зубами. Его бил нервный озноб. Страх парня невольно передался и Глебу. Он протянул руку и поднял с земли кожаный чехол с ружьем. Глеб не помнил, откуда взялось это ружье, но в данных обстоятельствах это не имело значения. Главное, чтобы оно было исправным. В оружии Орлов худо-бедно разбирался и, вынув ружье из чехла, сразу сообразил, что держит в руках самозарядку. В магазине – пять патронов 12-го калибра. С таким стволом можно и повоевать!

Звери подобрались настолько близко, что Глеб слышал их рычание вполне отчетливо. Вдруг трава качнулась, и он увидел, как что-то темное бросилось к ним из травы.

Глеб вскинул ружье и нажал на спуск. Гроыхнул выстрел. Сердце Глеба судорожно и быстро забилося, а к горлу подкатил тошнотворный комок.

Держа ружье в дрожащих руках, Глеб глянул на Ваську. Тот, с ужасом глядя на ружье, попятился. Затем быстро обмахнул себя рукой, будто перекрестился, и пробормотал:

– От гибели одичан, от напасти двойчан! Жижей болотной заклинаю – защити, дух лесной!

Глеб хотел усмехнуться, но у него не хватило на усмешку ни сил, ни храбрости.

– Кончай причитать, – сказал он. – Какой, к черту, дух? Лучше пойдем посмотрим – кажется, одного пса я завалил.

Глеб, преодолевая страх, первым зашагал к меже.

То, что Глеб увидел в траве, заставило его содрогнуться от ужаса и отвращения. Пес, пегий, с клочковатой шерстью, смрадно пахнувший, был убит наповал. До сих пор Глеб был уверен, что в природе не существует собак крупнее, чем раскормленные московские бродячие псы, однако этот пес был так огромен, что самый мощный ротвейлер рядом с ним показался бы щенком. Глеб хотел что-то сказать, но вдруг по листве пробежал резкий порыв ветра и Васька хрипло крикнул:

– Бежим!

Глеб увидел, что от деревьев по траве заскользила черная тень. Она надвигалась так стремительно, как это бывает только в кино, при ускоренной съемке. Глеб инстинктивно отскочил в сторону. В ту же секунду труп убитого пса взлетел в воздух и с отвратительным звуком разорвался на куски, осыпав траву дождем кровавых ошметков.

Что-то рвануло Глеба за щиколотку, и он рухнул лицом в траву. А в следующее мгновение Глеб взвыл от ужаса, потому что какая-то могучая, непреодолимая сила стремительно поволокла его к чащобе.

– Васька! – отчаянно заорал Глеб. – Васька, помоги!

Он видел, что парень остановился и обернулся. Видел его перекошенное от ужаса лицо. В левой руке Васьки появилось что-то вроде короткой деревянной палки. Конец палки тускло замерцал, как мерцают гнилушки, и вдруг вспыхнул, подобно бенгальскому огню, и ослепительная волна света побежала от него во все стороны, словно рябь от брошенного в воду камня.

На несколько мгновений Орлов ослеп. По тому, как разжался ледяной жгут, обвивающий его ногу, Глеб понял, что тварь отпустила его. Когда он снова обрел способность видеть, Васька стоял рядом.

– Бежим! – крикнул парень и, схватив Глеба за шиворот, рывком поднял его на ноги. – Быстро!

Секунду спустя Глеб бежал вслед за Васькой, все еще оглушенный и сбитый с толку. Перед глазами все мелькало и перестало мелькать, лишь когда они остановились, отбежав от каменных столбов метров на пятьдесят.

– Что... – хрипло проговорил Глеб, морщась от боли в груди и пытаясь отдышаться. – Что это было?

По лесу пронесся хохот, и хохот этот был столь страшен, что сердце в груди Глеба заколотилось, как пойманная птица, а по спине пробежал озноб. Лицо Васьки Ольхи потемнело.

– Надей сказал, что кто-то идет за нами, – тихо пробормотал парень. – Может, это тот, о ком он говорил?

Глеб болезненно поморщился.

– Слушай... – с болью и дрожью в голосе проговорил он. – Где я, а? Объясни ты мне толком, куда я попал?

Вместо ответа Васька посмотрел на небо, нахмурился и сказал:

– Пора нам отсюда уходить, колдун. До града княжьего далеко, а через пару часов начнет темнеть. – Васька перевел взгляд на Глеба, всмотрелся в его лицо и вдруг спросил: – Ты хоть помнишь, на чем сюда добрался?

Глеб усмехнулся и с горечью ответил:

– Видимо, на метле.

– Ясно. У меня тут недалеко лодка. По Лызьве не получится, течение вспятое, но рядышком есть широкий ручей. Чуть менее реки, зато волна несется – быстрее птицы. Это самый короткий путь, но ведет он лишь в одну сторону, потому что проходит меж скал и непроходимых болот. – Васька поднял с травы котомку и забросил ее на плечо. – Ну что, идем?

Глеб кивнул.

– Идем.

Он поднялся с травы и хотел отряхнуть джинсы, но вдруг замер на месте с оцепенелым лицом.

– Ты чего? – удивился Оляха.

Губы Глеба дрогнули.

– Я все вспомнил! – взволнованно проговорил он.

– Что вспомнил?

– Это аномальная зона! Я пришел сюда с проводником Бахтияром! А направил меня сюда редактор Турук! Понимаешь?

Васька нахмурился и качнул головой.

– Нет. Не понимаю.

Глеб прижал ладонь к холодному лбу.

– Черт... Если я здесь, в аномальной зоне, то... Где тогда Бахтияр и его палатка?

Васька облизнул толстые губы и растерянно проговорил:

– Прости, чужеземец, я не понимаю твоих слов.

– Ночью была гроза, – объяснил Глеб. – Молния ударила в дерево. Понимаешь?

– Да, – отозвался парень, – гроза была.

– Вот видишь! – обрадовался Глеб. – Но почему Бахтияр бросил меня? И почему меня никто не ищет?

Васька обдумал его слова, рассеянно пожал плечами, глянул на небо и сказал:

– Солнце клонится к западу. Нам надо спешить. Хотя... если хочешь – оставайся.

– Здесь? – Глеб испуганно огляделся и передернул плечами. – Да ни в жизнь!

– Тогда пошли. Время не ждет.

4

Лодка оказалась жутко узкой и неудобной. Глеба, однако, это не слишком-то беспокоило. Беспокоило и пугало его другое. А именно – странность происходящего.

Теперь у него было время все тщательно обдумать.

Парень с волшебной гнилушкой в руках, мертвый оборотень, голодная тень, разорвавшая оборотня на куски и едва не утащившая Глеба в чащу... Ужас, который испытывал Васька перед ружьем... Ясно лишь одно: в реальности ничего этого быть не может. Не может, и все тут.

«Что происходит?» – в который уже раз спрашивал себя Глеб. На этот вопрос было всего два варианта ответа. Первый – Глеб Орлов, модный журналист,

дебошир и бабник, сошел с ума. Значит, все, что он видел и видит, – это никакая не реальность, а всего лишь его галлюцинации.

Второй вариант – все это действительно происходит. И тогда слова профессора Земцова о странных смещениях пространства и времени в аномальной зоне обретают смысл. То есть... Он попал в прошлое.

Но насколько далекое это прошлое?

– Слышь, друг... А какой сейчас год?

– Двадцать пятый, ежели считать от Большого пожара в Белом Яру.

– А если считать от Рождества Христова?

– Как это?

– Не понимаешь? Ты не знаешь, кто такой Иисус Христос?

– А, ты про Иисуса, – понял Васька. – Это бог, в которого верят греки да болгары, и он все время плачет.

– А ты в него веришь?

Васька пожал плечами:

– Да на что он мне? Тетка Яронега сказывала, что Иисус чужой бог. А у нас и своих богов полно.

Глеб нахмурился. Плохо дело. Самые мрачные его догадки подтверждались. Поверить в то, что он реально попал в далекое прошлое, было сложно. Но еще сложнее было поверить в собственное сумасшествие. Галлюцинации не бывают такими яркими и убедительными. Деревья, трава, вода... Все это настоящее. И тварь, которую он убил у межи, тоже настоящая. К тому же он неплохо себя чувствует. Разве больной человек может себя хорошо чувствовать?

– Слышь, Васька? – снова окликнул он парня.

– Чегось? – отозвался тот.

– Я похож на безумца?

– Ты? – Парень вгляделся в лицо Глеба и покачал головой: – Не. Я видал безумцев, они не такие. Был у нас в деревне один безумец, Пузейка Рыжий, так он даже в лютый мороз голым бегал. И тараканов в рот запихивал. Ты не такой.

– Это верно, – согласился Глеб и вздохнул. – До тараканов пока дело не дошло. Послушай-ка, Василий... а в какой стране ты живешь?

– Ась?

– Живешь, говорю, где?

Васька улыбнулся:

– Где и все, в Хлынь-граде.

– Хлынь? – Глеб наморщил лоб, пытаясь припомнить, где он встречал это название. Что-то такое мелькало в подкорке, но толком вспомнить не удалось. Тогда Глеб продолжил допрос: – Васька, а этот твой Хлынь, он большой город?

– Немалый. Тут сам князь живет, посему и княжество наше Хлынским зовется.

– Хлынское княжество, – задумчиво проговорил Глеб. – Что-то я такого не... А какие княжества его окружают?

– Известно какие. Есть Кривичское, есть Радимичское, есть Голядь, а есть махонькое Пригорное... Разные. Иные и на княжества-то не похожи. Так, одно название. А ты почему спрашиваешь?

Глеб снова задумался. Наряду с известными названиями княжеств в Васькином перечне были и совершенно незнакомые. Может быть, Глеб попал в эпоху, когда

формирование княжеств только началось?

Орлов вздохнул: черт его знает. Но, как бы то ни было, если он действительно каким-то невероятным образом попал в прошлое, то нужно расценивать это не как беду, а как невероятный шанс, который послала ему судьба.

Ну а если это сумасшествие... что ж, когда-нибудь галлюцинации пройдут, и он увидит перед собой белые халаты врачей. А пока этого не случилось, нужно верить собственным глазам.

«Пусть будет, что будет», – подумал Глеб. А потом повторил это вслух:

– Пусть будет, что будет.

Эта простая фраза помогла ему успокоиться, но жутковатый осадок в душе остался. Во всем происходящем – будь то психическое расстройство или перемещение во времени, о котором говорил профессор Земцов, – было что-то патологическое, неправильное. И ощущение этой неправильности действовало на Глеба угнетающе.

– Васька! – снова окликнул он.

– Чего?

– Твое имя – оно ведь не славянское?

– Не славянское, – подтвердил парень. – У нас таких много. То еще при дедах наших случилось. Пришли к нам знающие грамоте люди из Македонской Булгарии. Подружились они с нашими властителями, буквам глаголицы их обучили. В их честь наши властители детишек своих нарекли. А там и прочие подхватили. И пошло-поехало. Дурное дело нехитрое, – заключил Васька.

– Погоди... – Глеб напряг память. – Скажи-ка, эти гости были христиане?

– Ну.

– Если не ошибаюсь, в Болгарии христианство приняли в девятом веке. А на Руси – в десятом. Значит, мы сейчас... где-то посередине? Уф-ф... – Глеб вспотел. – Бред какой-то. Этого не может быть.

– Чего не может-то? – не понял Васька.

– Пару дней назад я пил виски и болтал по телефону с Катькой Корольковой. А сегодня сижу в допотопной лодке с парнем, обутом в дырявые сапоги.

Васька обиженно просопел:

– Теперь тебе и ичиги мои не угодили. Вот погоди, разбогатею – куплю себе десять пар яловых сапог! Вот тогда и посмотришь, каким гоголем Васька Оляха ходить может!

Васька насупленно отвернулся и более на Глеба не смотрел.

5

До Хлынь-града добрались уже в плотных сумерках.

Широченные дубовые створки огромных городских ворот были распахнуты. У ворот стояли ратники, числом не менее пятнадцати, и о чем-то негромко переговаривались. На Ваську Оляху и Глеба они не обратили внимания, как на всякую входящую в город либо покидающую его шушеру.

Васька и Глеб миновали ряды низких, ветхих, похожих на собачьи будки избушек, в которых ютилась беднота. Потом прошли через площадь, мимо тесно громоздящихся дощатых лавок, балаганов, рогожных палаток. Торговцы уже убрали с шестов товары, навешивали на двери тяжелые замки. В калашном ряду, несмотря на сумерки, дымили печки, от них доносился запах пирогов.

На земле, у одной из лавок, сидел нищий. Завидев Глеба и Ваську Оляху, он протянул тощую грязную руку и тихонько и тоненько заблеял:

– Пода-а-айте убогому сиротке... с го-о-олоду помираю.

– Боги подадут, – небрежно сказал ему Васька Оляха.

Глеб чувствовал себя так, словно попал в чей-то сон. Все вокруг было нереально, сумеречно, как бы не по-настоящему. На душе у Глеба было так тоскливо, что он едва сдерживался от слез.

Васька Оляха что-то рассказывал, но Глеб слушал его вполуха. У рогожной палатки стояли, тихо переговариваясь, два бородатых мужика в летних кафтанах. В сумерках их тихие голоса были слышны отчетливо и ясно.

– Плохо стало жить, – с какой-то неизбывной печалью говорил один другому. – Скуднее, тревожнее. То одна беда, то другая. За охрану от оборотней – своя мзда, от волколаков – своя. Последнюю рубаху сыми, а отдай. А кому пожалуешься, кто защитит?

– Верно говоришь, – кивнул второй. – Совсем худо стало. Повез давеча в Яровград на ярмарку шелку-сырца и зелья огневого. И опасничать не стал – дорогой обходной поехал, а все одно проклятые достали. Две лошади упыри разорвали. Товар пропал. Как сам ушел, ума не приложу.

– Да, дела... – горестно и тихо проговорил другой. – А рыбаки из-за русавок, я слышал, совсем обнищали. В реку уже не ходят, а разбрелись врозь и нищенствуют... Скоро сами разбойниками станут. Темные времена настают, Главан.

– Темные, Маламир. Ой темные.

Заметив, что Глеб на них смотрит, мужики замолчали и уставились на него в ответ суровыми, неприязненными взглядами. Глеб поспешно отвел глаза.

– Гляди-ка! – сказал вдруг Васька и показал пальцем на большой дом со множеством окон и с большим красным коньком на крыше.

Над дверьми дома был прибит коровий череп. У невысокого крылечка, в грязи, с разбитыми в кровь физиономиями, валялись пьяницы. Некоторые из них были в

одних портках.

– Это что? – спросил Глеб.

– Кружало, – объяснил Васька Оляха. – Изба питейная.

– Кабак, что ли?

Васька кивнул:

– Угу.

Глебу вдруг до смерти захотелось выпить. Он понял, что если не пропустит сейчас стаканчик-другой, просто сойдет с ума.

– Зайдем? – предложил он Ваське.

– Можно, – ответил тот. – А у тебя деньги-то есть?

Глеб качнул головой:

– Нет.

– А серебро?

– Откуда?

Васька улыбнулся:

– А на пальце что!

Глеб рассеянно посмотрел на свою левую руку и ответил:

– Кольцо серебряное.

– Ну, так сымай!

– А разве этого хватит?

– А то! На кувшин бражки да на ведро каши!

Васька довольно засмеялся.

* * *

Распахнув тяжелую, обитую рогожей дверь, они шагнули внутрь кабака. В паре саженой от порога, за высокой деревянной стойкой, стоял толстый широкоплечий мужик.

– Кто это? – с опаской спросил Глеб.

– Озар. Кабацкий целовальник. Он здесь заглавный. С ним не шути, сурьезный мужчина.

Всю большую комнату занимали деревянные столы и такие же лавки. Глебу обстановка кабака, стилизованная под русскую старину, напомнила любимый спортбар «Пивная пена». Не хватало только больших телеэкранов на стенах и смазливых официанток. Да и вонь такой, как здесь, там не было.

Васька забрал у Глеба кольцо и положил его на деревянную стойку.

– Дядька Озар, дай нам бражки и закуски, – сказал он.

Целовальник взял кольцо толстыми, покрытыми черными волосками пальцами, осмотрел его, ковырнул лиловым ногтем. Затем повернулся к деревянным полкам, уставленным кувшинами, сгреб с полки огромный кувшин и две оловянные кружки и брякнул все это на стойку.

– Закуску принесу опосля! – пробасил он.

– Хорошо, дядька Озар. – Васька взял кувшин и пошел к дубовому столу. – Чего стоишь? – бросил он через плечо. – Кружки бери!

Глеб взял со стойки кружки и последовал за ним. Усевшись за стол, Васька разлил брагу по кружкам, поднял свою и сказал:

– Здраве будем! – И шумно отхлебнул браги.

Глеб тоже отпил глоток. Почмокал губами.

– Как? – спросил Васька.

– Не фонтан, – без особого энтузиазма отозвался Глеб.

Он запрокинул голову и – глоток за глотком – опустошил кружку.

Подошел целовальник, с грохотом поставил на стол деревянные чаши с закусками. Здесь были капуста с брусникой, вяленая рыба, студень, жареный хлеб и каша. Васька глянул на закуски, и глазки его замаслились от предвкушения пиршества.

– Лепота, – с наслаждением проговорил он.

Васька взял кувшин и снова наполнил кружки.

После второй кружки в голове у Глеба зашумело. Воняла брага жутко, а на вкус была и того хуже. Глеб отодвинул кружку и, поморщившись, спросил:

– У вас что, самогонку не умеют гнать?

Васька вскинул брови:

– Чегось?

Глеб когда-то писал статью об алкогольных напитках. Он помнил, что простым сбраживанием невозможно получить напиток крепче двадцати четырех градусов

– продукты брожения останавливают процесс. В большинстве же бродящих напитков содержание алкоголя не превышает пяти процентов.

Если это далекое прошлое, то крепких напитков у них скорей всего еще нет. Смирившись, Глеб выпил еще одну кружку. Голова Орлова отяжелела, но на душе у него стало чуть легче.

– Васька! – окликнул Глеб.

– Ась? – вскинул кудлатую голову Оляха.

– Твоя брага – дерьмо. Перебродившая моча. На свете есть множество отличных крепких напитков. Водка, виски, джин, текила... Скажи-ка, ты когда-нибудь пробовал текилу?

– Чегось?

Глеб вздохнул:

– Эх, темный ты человек, Васька Оляха. Налей-ка еще браги.

За соседним столом беседовали купцы. Глеб прислушался к их разговору.

– Поляне нынче – лучшие друзья хазар, – говорил один купец, приземистый, рыжий, краснолицый. – Когда хазарскому кагану самому за дело браться лень, он полянских князей науськивает.

– А тем только того и надо, – отозвался чернявый купец. – Уж который год на земли древлян и дреговичей походами ходят и дани берут. Не ровен час и до нас доберутся.

– Полянам самим несладко, – возразил третий купец, белесый, с козлиной бородкой. – Их, кроме хазар, еще и печенеги клюют.

– Клюют, – согласился рыжий. – Вот они на нас и отыгрываются. Сами-то хазары давно на нас не хаживали. Все больше грозятся.

– А чего на нас ходить, – пожал плечами чернявый купец. – Мы дань исправно платим. По серебряному щелягу с сохи – как и положено. А иногда и поболее. У меня о прошлую осень хазары две подводы с вяленой рыбой, беличьими шкурками и рыбьим клеем забрали.

– Постыдно это, – сказал козлинобородый купец.

– Постыдно, – согласился чернявый. – И так дотоле будет, пока с соседями не сдружимся и вместе по кагану хазарскому не вдарим.

– Сдружишься ты с ними, как же, – усмехнулся рыжий. – Попадешься какому древлянину, так он с тебя шкуру живьем снимет. И не посмотрит, что брат-славянин.

Купцы повздыхали.

– Я слыхал, Киев-то хазарский богатеет, – снова заговорил чернявый. – В первые города по торговле выбивается.

– Это тот Киев, что на хазарской Израй-реке? – уточнил козлинобородый.

Чернявый кивнул:

– Угу. Только поляне эту реку Днепром кличут. Править Киевом хазарский каган варягов посадил. Аскольда и Дира. А те за собой всю свою варяжскую родню притащили.

– И кто ж теперь в Киеве хозяйничает – поляне, хазары аль варяги? – осведомился рыжий купец.

Чернявый дернул толстой щекой:

– Их там теперь сам леший не разберет. Не ровен час, хазарский властитель в Киев-град свою столицу перенесет. Поляне того боятся, думают, что хазары их всех в евреев переделают.

– Как это? – не понял козлинобородый.

– А просто. Возьмет пархатый хазар свой ножик и устроит всем славянским мужикам обрезание.

Купцы переглянулись и захихикали. Отсмеявшись, рыжий купец отер мокрые глаза и сказал:

– Слыхал я давеча, что князь Орлик из Голяди на нас походом идти хотел.

– Чего ж не пошел? – спросил козлинобородый.

– Булгарцев волжских поджидал. Те обещались ему на помощь прийти, да не дошли. Сперва их лесная мордва под Муромом потрепала, а потом и хазары набежали, стрелами всех перекололи, саблями порубили.

– Туда им и дорога, – мрачно изрек чернявый купец.

А козлинобородый тяжело и горестно вздохнул:

– Эх... Живут же ильменцы. И ведь от нас мало чем отличаются. Даже на языке похожем говорим. А у них там всем вече народное верховодит, и даже сам князь под вечем ходит.

– Потому как – славяне, – объяснил чернявый. – А наш-то князь Аскольд из-под варягов. До его двоюродного деда у нас всем тоже вече народное заправляло. А теперь, вишь, по каждому поводу князю в ноги бухайся. Все плохое из-за бугра к нам прет, – заключил чернявый купец со вздохом.

– Точно, – подтвердил рыжий. – Жили бы сами по себе, даже у самого паршивого вятического или радимичского бродяги пузо б до земли отвисало.

Купцы поухмылялись, повздыхали.

– Нам бы Перуна в главные боги, – мечтательно произнес козлинобородый. – Этот спуску никому не даст – ни хазарам, ни гофам, ни нечисти печенежской. Да и меж нашими князьями мир учинит.

– Это как же, интересно? – поинтересовался чернявый.

– Да просто. Замахнется молнией да и скажет: «Эй, князья славянские, коли будете промеж собою драться – каждому по молнии на макушку кину!»

Чернявый хмыкнул:

– Гляди, как бы тебе Велес за такие рассказы товар не сгноил.

Козлинобородый усмехнулся:

– Ничего. Я с Велесом на короткой ноге. Десятую часть прибыли на жертвенные костры трачу. Не жмусь.

Глеб отхлебнул браги и повернул голову в противоположную сторону. За другим столом толстый длинноволосый бородач, переубеждая в чем-то собутыльников, повысил голос:

– Что есть жена? Светла лицом и высокими очами мигающая, и огонь лютый в членах возжигаящая! Что есть жена? Покоище змеиное, болезнь, бесовская сковорода, увет дьявола!

Глеб покосился на толстяка и шепотом спросил у Васьки:

– Кто это?

– Не знаю, – ответил Васька, отламывая кусок от вяленой рыбы. – Похож на лекаря христианского. Я видал одного лекаря. У него изо рта дух шел зело целебный. У нас Щепетуха понести не могла, так этот лекарь юбку ей задрал и во чрево дунул.

– И чего?

– Да ничего. Понесла Щепетуха. А через девять месяцев мальчика родила с двумя головами и четырьмя ногами. Назвали Гудимкой.

– А, это. – Глеб кивнул. – Это я знаю. Называется «сиамские близнецы». На самом деле их двое, а не один. Просто они... в общем, они срослись.

Васька посмотрел на Глеба насмешливым взглядом.

– Смешные вещи говоришь. Как же двое, когда тулово едино и руки две? Ты колдун, а простых вещей не знаешь.

– Можно подумать, ты много знаешь, – обиделся Глеб.

Васька усмехнулся.

– Да уж поболее твоего!

– Да ну? Может быть, ты знаешь, что такое ядерный ускоритель?

– А ты знаешь, сколько рыжих перьев в хвосте у сирина?

– А ты знаешь, что такое адронный коллайдер?

– А ты знаешь, куда зимой улетаёт гамаюн?

Глеб вдруг вспомнил, что находится в прошлом, и в сердце у него снова засадила тоска. Ему стало так страшно, что к горлу подкатила тошнота. Он вздохнул и хрипло проговорил:

– Выйду на улицу, глотну свежего воздуха.

– Зачем? – не понял Васька.

– Душно здесь.

Васька понюхал воздух и пожал плечами.

– Как всегда. Это тебя после Гиблого места колотит. Чудом ведь смерти избежал. Даром что колдун.

Глеб вспомнил ледяное прикосновение таинственной тени, вспомнил, с какой легкостью невидимый монстр разорвал на куски пса, – вспомнил и поежился.

– Эта тень... – проговорил он, запинаясь. – Тень, которая пришла к нам из леса... Ты раньше с такой сталкивался?

Васька сдвинул брови и сухо ответил:

– Нет. И я не хочу об этом говорить.

Глеб пригляделся к парню внимательнее и с удивлением заметил, что тот тоже отбивает зубами дробь.

– У тебя что, тоже колотун? – удивился он. – Тебя тоже колотит, верно?

– У меня после Гиблого места всегда так, – хмуро отозвался парень, не глядя на Глеба.

– Вот как? А ты ведь говорил, что забрел в Гиблое место случайно. Погоди... – Глеб прищурился. – Кажется, я понимаю. Ты вовсе не заблудился, верно? Ты «добытчик»!

– Тс-с! – шыкнул на него Васька и боязливо зыркнул глазами по сторонам.

– Ладно, не бойся, – примирительно произнес Глеб. – Я никому не расскажу про твою тайну.

Покачиваясь от выпитой браги, Глеб поднялся из-за стола.

– Я тебя провожу, – сказал Васька и тоже встал.

Проходя мимо стойки, Васька Оляха сказал целовальнику:

– Мы скоро вернемся, дядька Озар.

Целовальник сдержанно кивнул.

6

На улице было по-ночному темно, но участок дороги перед кружалом был освещен светом, падавшим из окон, и берестяными факелами, призывно горящими по обе стороны от входа в питейное заведение.

Глеб вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух. На душе у него было паршиво.

– Посторонись! – рявкнул вдруг кто-то у Глеба над самым ухом.

Громыхнули колеса, и Глеб отскочил в сторону, уступая дорогу тройке белоснежных лошадей, запряженных в расписную деревянную телегу – что-то вроде громоздкой кареты без верха. От прыжка хмельная голова Глеба закружилась, его резко повело в сторону, он споткнулся о камень и грохнулся оземь.

Карета остановилась. Открылась дощатая дверка, и Глеб увидел хорошенькую блондинку.

– Ты цел? – громко спросила она.

– Цел, цел, – проворчал Глеб, вставая и отряхивая куртку. – Эй, водила! – крикнул он. – У тебя что, глаза на жо...

Глеб вдруг вспомнил, где находится, и замолчал. Он глянул на девушку угрюмым взглядом и нахмурился. Она была настоящая красавица. И, как ни странно, лицо девушки показалось Глебу странно знакомым.

– Мы можем ехать дальше? – окликнул с телеги глуховатый мужской голос.

– Подожди, Егра, – ответила своему спутнику девушка. – Я хочу убедиться, что мы не поранили парня.

Красавица сошла по деревянным ступенькам кареты и хотела идти дальше, но вдруг остановилась и в растерянности воззрилась на большую лужу, обойти которую не было никакой возможности.

Глеб, от браги и отчаяния почти не соображая, что делает, стянул с плеч куртку и швырнул ее блондинке под ноги. Затем протянул ей руку. Девушка взглянула на него с удивлением и любопытством.

– Твой кафтан промок, – сказала она.

– Угу, – кивнул Глеб. – Лучше вам поторопиться.

Блондинка поколебалась еще несколько секунд, затем робко взялась за руку Глеба и пробежала по куртке через лужу. Перебежав, она попала к Глебу в объятия. Щеки девушки порозовели, и она смущенно отстранилась.

– Кто ты? – спросила красавица дрогнувшим от смущения голосом.

– Я? – Глеб горько усмехнулся. – Восточный маг. По-вашему – колдун.

– Колдун? – Девушка покосилась на куртку, накрывшую лужу. – И тебе не жаль твоего кафтана, колдун?

– Ради такой красавицы я готов отдать не только кафтан, но и последние штаны.

Теперь девушка смотрела на Глеба с нескрываемым любопытством.

– Как тебя зовут, колдун? – спросила она.

– Галёб Табак ибн Алкоголь. Для друзей просто Глеб. А тебя?

– Наталья.

Глеб улыбнулся.

– Наташа, значит. Ты очень красивая девушка, Наташа. Жаль будет, если ты мне просто снишься.

Из расписной телеги выбрался грузный, полный мужчина. Он был лыс, как колено, безбород и безус. Темные глаза смотрели из-под сдвинутых бровей тяжело и неприязненно.

Лысый взял девушку под локоток и сухо проговорил:

– Неприлично тебе стоять у питейного дома. Поехали!

– Отстань, Егра! – Наталья высвободила руку из его толстых пальцев.

Глеб достал из кармана сигареты и сказал:

– Послушайте, по-моему, девушка сама может решить, идти ей с вами или нет.

Лысый толстяк посмотрел на Глеба удивленным взглядом. Его черные ломкие брови сошлись на переносице.

– Как смеешь ты...

– Все в порядке, Егра, – перебила лысого Наталья и положила ему на грудь узкую ладонь. – Я уже возвращаюсь. – Она глянула на Глеба быстрым внимательным взглядом, точно хотела получше его запомнить, и проговорила: – Прощай, незнакомец!

На этот раз девушке не пришлось наступать на куртку. Возница, мигом соскочив с козел, забежал в лужу, присел и подставил под ее башмачки свои ладони. Девушка положила кучеру руку на плечо и прошла по его ладоням, как по ступенькам. Секунда – и она скрылась в карете.

Егра направился было за ней, но остановился и взглянул на Глеба.

– Кто ты? – спросил он голосом негромким и холодным.

Глеб прищурил темные глаза и сухо ответил:

– Колдун. С Востока.

Егра одарил Глеба тяжелым, полным ненависти взглядом, повернулся и, не говоря больше ни слова, полез в расписную телегу.

Возница стеганул коней, и карета загроыхала колесами по дороге. Глеб посмотрел ей вслед и сунул в рот сигарету. Васька Оляха подошел сзади и тронул его за плечо.

– Эй, колдун.

– Чего? – не оборачиваясь, откликнулся Глеб.

– Ох и страшного ты врага себе нажил.

– Ты про этого лысого?

– Егра – главный советник князя Аскольда. Люди сказывают, что лучше поссориться с князем, чем с Егрой. Егра никогда не прощает обид.

– Правда? – Глеб зябко повел плечами. – Да и черт с ним. Лучше скажи, что это с ним за девчонка?

– Та, которой ты помог перебраться через лужовину?

– Да.

– Княжна Наталья, дочь князя Аскольда!

Егор присвистнул.

– Значит, княжна. Круто! По-моему, я ей понравился. Слушай, а этот Егра – он что, имеет на нее виды?

Васька приосанился и ответил со значением:

– Егра – ее будущий муж.

– А разве княжна может выйти замуж за простолюдина?

– Что ты! Егра не простолюдин. Он – сын варяжского вельможи и уличской княжны.

– Крупная птица. А в советники к князю для чего подвизался? От безденежья?

– Его отца убили бунтовщики. А мать тронулась умом и утопилась. Князь Аскольд ему двоюродный дядька. Он принял Егру как названного сына. Сначала тот писал для князя указы да речи, а потом сделался главным советником.

– Ясно, – кивнул Глеб, дымя сигаретой. – От пиарщика до замдиректора. Хорошая карьера.

Васька огляделся и зябко повел плечами.

– Эй, колдун! – окликнул он Глеба.

– Чего тебе?

– Давай скорее вернемся в кружало. Мне что-то не по себе. Говорят, у Егры в услужении есть наемные убийцы.

– Правда? – Глеб затянулся в последний раз и швырнул окурок в лужу. – Что ж, с такого мордоворота станется. Пойдем. Я хочу напиться.

* * *

Чем больше Глеб пил, тем легче ему было верить в то, что он попал в прошлое. Сама мысль об этом уже не казалась ему такой уж дикой.

За соседним столом компания окающих купцов шумно обсуждала дела. Все были упитанны, бородаты, громогласны. И только один из них – невысокий, тощий, с бледным лицом и забинтованной рукой – был тих и грустен. Время от времени он поглядывал на перевязанную тряпкой костлявую кисть и вздыхал.

Когда кто-то из купцов отпускал шутку и другие громогласно хохотали, тощий тоже улыбался, но как-то растерянно и словно бы невпопад.

Глеб кивнул на него подбородком и сказал Ваське:

– Гляди, какой бледный! Видать, брага совсем не впрок пошла.

Васька проследил за его взглядом и ответил:

– Это княжий мытарь Давило Гусь. У него жисть тяжелая. Люди его не любят, а он их за это презирает. Будешь тут бледным.

Васька взялся за кувшин и разлил брагу по кружкам.

И тут кто-то отчаянно завопил.

Загрохали сдвигаемые стулья и лавки, мужики повскакивали с мест. Глеб опустил кружку и уставился на соседний стол. Там происходило что-то странное. Купцы, прежде сидевшие за столом, теперь отскочили от него на два-три шага и с ужасом смотрели на единственного человека, оставшегося на лавке. Это был тот самый мытарь, который, по утверждению Васьки Ольхи, побледнел от тяжелой жизни.

Выглядел мужичок ужасно: лицо его осунулось, глаза запали, губы стали бледно-синими. И вдруг лицо его стало меняться – рот и нос вытянулись вперед, переносица разъехалась в стороны и покрылась бурой шерсть. Из рта мытаря плеснула кровь, а вслед за ней на стол посыпались окровавленные зубы.

Глеб тряхнул головой и провел пальцами по глазам, словно пытался прогнать наваждение. Но наваждение не исчезло. Верхняя губа мытаря приподнялась, и Глеб с изумлением увидел, что на месте выпавших зубов растут острые желтоватые клыки.

– Оборотень! – заорал кто-то.

– Белого железа! Есть у кого белое железо?

Мытарь медленно поднялся и, зарывав, стал затравленно озираться по сторонам. Глеб увидел, что тряпочка на его руке размоталась, и из разверстой раны торчали, словно колосья, жесткие черные волосы.

И вдруг кто-то громко и властно проговорил:

– А ну – расступись!

Народ заоглядывался.

Из темной ниши вышел поджарый человек в замшевой куртке и высоких сапогах-ичигах. Волосы у него были длинные, темно-русые, а борода – с легкой проседью. В руке у мужчины поблескивал нож с лезвием из белого металла.

– Расступись! – повторил он.

Народ расступился в стороны, давая ему дорогу. Мужчина смело шагнул к мытарю. Завидев врага, тот набычился и зарычал. Что-то заскребло по дубовой столешнице. Глеб опустил взгляд и увидел, что на пальцах мытаря отросли мощные, будто у рыси, когти.

И вдруг мытарь рыкнул и взвился в воздух. Выбросив вперед когти, он стеганул ими, целя в лицо длинноволосого. Однако тот увернулся, быстро присел и, резко крутанувшись, ударил мытаря каблуком по ноге. Мытарь рухнул на пол. В то же мгновение длинноволосый прыгнул мытарю на грудь и с размаху вогнал ему нож в волосатое горло.

Мытарь захрипел и попытался цапнуть длинноволосого когтями, но тот отшатнулся, а затем быстро вскочил на ноги и отбежал на пару шагов.

Мытарь, которого из-за ужасного вида и мытарем-то уже назвать было трудно, еще пару раз дернулся и замер.

Купцы повернулись к длинноволосому и приветливо загудели:

– Да воздастся тебе богами, Громол!

– Благодарствуем!

– Не за что, – ответил длинноволосый и отер ладонью вспотевший лоб. – Впредь будьте осторожней и смотрите, кого пускаете за свой стол.

Дверь за стойкой целовальника открылась, и в кружало вошли два рослых парня в рубахах. Ни на кого не глядя, они направились к мертвому мытарю. Подошли, подхватили его за руки и поволокли к выходу.

– Погодите! – окликнул их Громол.

Верзилы остановились. Он быстро приблизился к мытарю, нагнулся, вынул у того из горла свой кинжал, отер лезвие об одежду мертвеца и вложил кинжал в ножны.

Кабацкие охоронцы подождали, пока он закончит, а потом потащили свою ужасную ношу к двери. Громол же вернулся за свой стол.

Глеб смотрел на все это, раскрыв от изумления рот. Рядом вздохнул Васька Оляха:

– Не повезло мытарю. Ой не повезло.

Глеб сглотнул слюну и спросил севшим от пережитого ужаса голосом:

– Что с ним случилось?

– Оборотень, видать, цапнул. Ты молодец, сразу заметил, что с ним чего-то не так. А эти олухи брагу с ним пили.

Глеб недоверчиво покосился на Ваську.

– Ты хочешь сказать, что мытаря укусил оборотень и что он сам после этого превратился в оборотня?

– Да ты ведь сам видел. Хорошо, что в кружале был Громол. Не случись его, этот гад многих бы подрал.

Глеб попытался переварить все услышанное. Затем глянул на сидящего в нише мужчину. Громол ел блины и запивал их брагой, и делал это с таким видом, будто ничего не случилось.

Выглядел он как повидавший виды рыцарь из средневековой легенды. Лицо спокойное и мужественное. Серые глаза смотрят открыто и бесстрашно. Борода короткая, пронизанная серебристыми паутинками седины. Длинные темно-русые волосы откинута со лба и свободно лежат на плечах. Посадка головы гордая, словно у обедневшего аристократа.

Одежда странная, совсем не купеческая: грубая замшевая куртка, сапоги с высокими голенищами. На столе – кожаная шапка, похожая на ратный шлем.

– Кто этот человек? – тихо спросил Глеб, кивнув подбородком на Громола.

– Охотник-промысловик, – ответил Васька Оляха. – Живет в лесу один, с людьми не знается. Приезжает в город, чтобы сбыть купцам пушнину и битую дичь. После заходит в кружало, выпивает кувшин браги и уходит обратно в лес. В народе кажут, мать его от лешего прижила.

Васька взялся за кувшин.

В последующие полчаса Глеб ничего не говорил, а только пил. Когда его уже основательно развезло, Васька вдруг наклонился к его уху и шепнул:

– Княжевы охоронцы!

В кружало, переступив через широкий дубовый порог, шагнули четверо рослых мужчин. Бородатые, чистые, в мягких сапожках и в темных стеганых подкладах, поверх которых поблескивала кольчуга и сияли медные нагрудники. На поясе у каждого – по мечу. В руках – двуострые бердыши. А вид до того грозный и внушительный, что даже буйные пьяницы притихли и вжались в лавки, стараясь стать мельче и незаметнее.

Охоронцы остановились перед столом, за которым сидели Глеб и Васька Оляха. Один из четверки выдвинулся вперед, грозно взглянул на Орлова из-под мохнатых бровей и рыкнул:

– Это ты – чужеземец?

– Допустим, – ответил Глеб дрогнувшим голосом. – А вы кто?

– Я Путята, княжий поручик! Пошто без мзды в княжество въехал? И где твой конь?

– Я пешком пришел, – сказал Глеб. – А про мзду не знал.

– По княжьему указу, чужеземец, не уплативший мзду должен пойти в полон! – басовито прорычал Путята. – До полного выяснения. Вставай, чужеземец! И руки в гору подыми!

Два охоронца шагнули к Глебу, схватили за плечи и мигом выдернули из-за стола.

– Пустите! – закричал Глеб, пытаясь вырваться. – Вы не имеете права!

Охоронец-поручик, которому надоела блажь Глеба, хлестко и привычно стукнул его кулаком по зубам.

– Ну! – сказал он угрюмо. – Теперь поблажи!

Удар по зубам отрезвил Глеба, и охота кричать и сопротивляться мгновенно пропала.

Глеба выволокли на темную, пропахшую дымом улицу, и тяжелая, обитая рогожей дверь захлопнулась за ним.

– Тебе в подземелье понравится, – насмешливо пророкотал один из охоронцев. – У нас дыба новая. На тебе и опробуем.

Глеб застонал. В ушах у него зазвучал голос профессора Земцова:

* * *

– В этом аномальном месте законы природы дают сбои. Несколько раз в Лесу мертвецов пропадали туристы. В Долине смерти под горой – целое кладбище скелетов животных. Счетчик Гейгера щебечет, как соловей. Кроме того, часы начинают вести себя странно – то у всех геологов отстают на пятнадцать минут, то, наоборот, убегают вперед...

На глаза Глебу навернулись слезы.

«И пошлю вам на погибель мстителя!» – донесся из-за двери басовитый голос толстого христианского лекаря. – Сие разуметь так: не богом отнимается жизнь, но по его воле рукою человека!»

Самообладание окончательно покинуло Глеба. Он опустил голову и, полностью отдавшись на волю княжьих охоронцев, закрыл глаза.

Глава вторая

1

Низкие своды. Кирпичные столбы. Под спиной – жесткая лавка. Вокруг – полумрак, сырость и холод. Тихий голос рядом кому-то рассказывает:

– ...И ступила княжна на землю. А знаешь, как была она одета? Китайского шелка летник с просторными, до земли, рукавами, чудно вышитый травами и зверями. А на шее – алмазное ожерелье. Поверх летника – широкий опашень с финифтяными пуговицами. А на ножках – сапожки с каблучками. И пахнет от нее цветами луговыми! О как!

Голос был знакомый. Глеб напряг память и вспомнил – Васька Оляха! Он приподнялся на локте и тихо позвал:

– Васька!

– О, а вот и он сам!

– Тот, который с княжной говорил? – спросил кто-то.

– Ну!

Васька Оляха сидел в соседней клетке. В полумраке подземелья, подсвеченном тусклым огнем дальних факелов, лицо его виделось смутно.

– Ты как здесь оказался? – спросил Глеб.

Васька вздохнул.

– По глупости. После того как тебя забрали, расстроился я совсем. Пошел в блажную избу. А бурую пыль скинуть забыл. Там и погорел.

– В блажную избу?

– Ну.

– А что это?

– Не знаешь? Может, ты и про бурую пыль не слышал?

Глеб мотнул головой:

– Нет. А что это?

– Бурая пыль – есть чудо превеликое. Добывают ее в Гиблом месте. Добытчики промывают песок, собирают бурую пыль, просушивают и обжаривают. Потом ее можно ноздрями вдыхать или в воду бросать и пить.

– Зачем?

Васька хмыкнул.

– Ясно зачем. Дабы впасть в сон долгий и блаженный.

– Так это наркотик! – сообразил Глеб. – Вот уж никогда бы не подумал, что вы тут ширяетесь.

– Князь ее чужеземным купцам возами продает, – чуть ли не с гордостью сообщил Васька. – Тем казна и полнится. Никому, кроме княжьих добытчиков, эту пыль добывать нельзя. А ежели найдется смельчак, ратники споймают, отрубят руку и высекут, чтоб неповадно было.

Глеб обдумал слова Васьки и спросил:

– Есть только один прииск?

– Большой – да.

– А малые?

– Малых много. Но надолго их не хватает. Наберешь раз – и нет прииска.

Глеб потер окровавленные запястья и поморщился.

– И много у тебя было бурой пыли, когда тебя взяли охоронцы? – поинтересовался он.

Васька вздохнул.

– Какая теперь разница, – горестно сказал он. – Слаб человек... Кабы не слаб, беды бы не знал.

– Эй, хватит вам вякать! – рявкнул из своего угла охоронец по кличке Крысун. – Будете языками трепать, ката позову, он вам живо языки подкоротит!

– Смотри, как бы тебе не подкоротили, – угрюмо проговорил Глеб.

– Точно! – взвился вдруг Васька Оляха. – Ты нам не указывай, Крысун! Гляди – освободят меня, я тебя на воле подкараулю и рожу начищу!

Крысун поднялся со своей лавки и неторопливо подошел к клетке, в которой сидел Васька. Охоронец был высок, худ и жилист, а в роже его и впрямь было что-то крысиное. Он прищурился на Ваську и медленно проговорил:

– Ну-ка, дай сюда свой горшок.

– Зачем?

– Дай, говорю.

Васька ухмыльнулся, поднял с пола горшок и протиснул его сквозь прутья Крысуну.

– На, держи.

Кат схватил Ваську за руку, притянул к себе сквозь прутья и принялся выкручивать.

– Ай! – заорал Васька. – Ты чего руки крутишь, гад!

– Ну, как? – поинтересовался Крысун, сладострастно выкручивая парню руку. – Начистишь мне рожу, щенок?

Васька задергался, из глаз его брызнули слезы.

– Пусти, гад!.. Пусти!

Крысун сипло засмеялся и выпустил руку Васьки из своих длинных, цепких пальцев. Васька крикнул и шмякнулся на задницу.

– Горшок куда поволок? – со слезами на глазах проговорил он. – Куда я мочиться буду?

– В карман себе помочись, тля мерзотная.

– Гад! – в сердцах крикнул Васька.

Охоронец остановился и повернулся к Ваське.

– Мало получил? Довеску просишь?

– Эй, Крысун! – окликнул охоронца Глеб. – Оставь парня в покое.

Охоронец повернулся к Глебу и ощерил мелкие зубы.

– А ты куда лезешь, чужеземец? Тоже хочешь получить?

– Подойди и попробуй, – мрачно предложил Глеб. – У меня первый разряд по боксу. Я тебе живо зубы пересчитаю.

Крысун презрительно оттопырил губу и прогнусавил:

– Все вы смелые, пока до пыток не дойдет. А как дойдет, так мамку зовете.

Он отвернулся и пошел к своей лавке. Глеб закрыл глаза и попытался уснуть. Но едва он задремал, как дверь темницы с лязгом открылась и в подземелье вошел огромный, лысый, широкоплечий кат с дырявой ноздрей. А за ним – два охоронца с грозными лицами.

При их появлении Крысун приободрился и, ухмыльнувшись во весь рот, нажаловался:

– Слышь, Дранный, полонцы-то у нас больно живые! Этот вот... – Он кивнул на Глеба. – ...Зубы мне давеча пересчитать грозился.

– Живые, говоришь?

Кат прищурился на Глеба. Затем слегка повернул голову и приказал охоронцам:

– Этого вяжите и тащите в пыточную.

Затем развернулся и вышел из подземелья. Охоронцы, вынув из ножен кинжалы, молча зашагали к клетке Орлова.

Спротивляться двум рослым дядькам с ножами в руках было глупо и бесперспективно. Глеб вздохнул, смиренно опустил голову и послушно дал себя связать.

* * *

Пыточная оказалась просторной комнатой, освещаемой двумя берестяными факелами. Глеба охоронцы усадили на одну лавку, а на другую, ту, что напротив, уселся лысый кат с рваной ноздрей.

Велев охоронцам выйти, он повернулся к Глебу и стал внимательно разглядывать его лицо. Глеб встретил его взгляд спокойно и глаз не отвел.

Вдоволь насмотревшись, кат ухмыльнулся и спросил:

– Откуда ты прибыл, колдун?

– От верблюда, – серьезно ответил Глеб.

– Это где?

– В Караганде.

Кат обдумал его слова, покачал головой и проговорил:

– Шутишь? Ладно, шутник, давай пошутим вместе. Зачем в наш град пожаловал?

– За острыми впечатлениями.

– Как это?

– Да как у всех. Секс, драг энд рок-н-ролл. Драг и рок-н-ролл уже был. Теперь жду секса.

Кат помолчал немного, хмуря широкий лоб. Потом спросил:

– Тебя видели в кружале вместе с Васькой Ольхой. Говори честно: ходил с ним в Гиблое место на добычу?

Глеб покачал головой:

– Нет.

– А что в лесу делал?

– Искал приключений на свою задницу.

– Нашел?

– Угу. Если хочешь, могу поделиться.

Кат усмехнулся и, ни слова не говоря, ударил Глеба кулаком по лицу. Голова Глеба мотнулась. Он сплюнул на пол кровь и посмотрел кату в глаза.

– Хочешь на свободу? – спросил вдруг кат.

Глеб усмехнулся.

– Зачем? Мне у вас нравится. Приятное общество, халявная еда. И персонал вежливый. Нет, я отсюда никуда.

Толстые губы ката растянулись в усмешку.

– Потешный ты. Ладно. Предлагаю сделку. Ты оговоришь одного человечка, скажешь, что видал его в Гиблом месте, на мелководном прииске, а князь взамен тебя отпустит. Да еще и одарит золотой монетой. Сделаешь?

Глеб обдумал предложение и ответил:

– У меня есть несколько условий. Во-первых, хочу, чтобы меня сделали столбовым боярином и дали мне соболью шапку. Это возможно?

Кат ухмыльнулся.

– Шапку хочешь. Будет тебе шапка.

– Это еще не все, – сказал Глеб. – Еще хочу свечной заводик.

– Будет тебе и заводик, – пообещал кат. – Теперь все?

Глеб мотнул головой:

– Нет. Хочу, чтобы ты кое-что сделал.

– Что?

– Просунь голову между ляжек и дунь себе в задницу. Сделаешь?

Кат нешироко размахнулся и хлестко ударил Глеба кулаком по губам.

– Вот тебе соболья шапка! – сказал он.

Потом вновь отвел руку и ударил еще раз.

– А вот тебе заводик!

Голова Глеба безвольно свесилась на грудь. Кат поднялся с лавки, сплюнул на пол и вышел из клетки.

2

– Орлов!

Глеб открыл глаза и с удивлением уставился на толстую суровую физиономию главного редактора.

– Сколько можно спать на редакционных летучках?! – рявкнул тот.

Сердце Глеба учащенно забилося.

– Так я спал? – с растерянной улыбкой переспросил он.

Коллеги засмеялись.

– Иван Кузьмич, можно я выйду и глотну свежего воздуха? Мне что-то нездоровится.

– Это мне от тебя нездоровится, – мрачно проговорил Турук. – Иди, но после летучки зайдешь ко мне для персонального разговора.

Пять минут спустя Глеб стоял в курилке и глубокими затяжками смолил сигарету. В голове у него все еще стоял туман. А сердце всякий раз начинало биться сильнее, как только наваливалось очередное душное воспоминание. Рваная ноздря ката, обрастающий шерстью мытарь, огромный бродячий пес...

При воспоминании обо всем этом Глеба передернуло.

В курилку заглянула Катя Королькова.

– Орлуша, ты здесь?

– Угу.

Катя вошла в курилку и плотно притворила за собой дверь.

– Как это Турук тебя отпустил? – поинтересовался, пуская дым, Глеб.

– Я сказала, что нужно срочно исправить ошибку в статье, пока ее не вбили в окончательную верстку.

Катя достала сигарету – тонкую, с белым фильтром. Вставила в губы и щелкнула маленькой позолоченной «Зиппой».

Глеб вздохнул.

– Ох, Катюха, если бы ты знала, какой мне дикий сон приснился. Вспоминаю – мороз по коже!

Катя помахала перед лицом рукой, отгоняя дым, и улыбнулась.

– Дай угадаю. Тебе снилось, что ты загораешь на пляже в Сан-Тропе. Рядом с тобой лежит стройная мулатка с большой грудью. Ты снимаешь с нее бюстгальтер и видишь две трансформаторные будки, и на каждой табличка – «Не влезай! Опасно для жизни!». Угадала?

Глеб посмотрел на Катю с удивлением.

– Королькова, тебе кто-нибудь говорил, что у тебя больная фантазия?

– Кроме тебя, никто, – отрезала Катя. – Кстати, твоя поп-дива прислала тебе огромный букет цветов. – Она выпустила уголок рта бледно-голубую струйку воздуха и усмехнулась. – Слушай, Орлов, что такого нужно сделать женщине, чтобы она прислала тебе корзину цветов?

– Если хочешь узнать, приходи сегодня вечером ко мне на сеновал, – с улыбкой ответил Глеб. – Только позвони заранее, чтобы я сгонял за шампусиком.

– Размечтался.

– Ну, тогда терзайся в догадках.

Глеб швырнул окурок в железную урну и потянулся за новой сигаретой.

– Так что там тебе приснилось? – спросила Катя, с тревогой поглядывая на бледное лицо Глеба.

Он дернул щекой:

– Да бред какой-то. Мне приснилось, будто я попал в прошлое. Но там совсем не так, как говорится в учебниках. Они там добывают бурую пыль. Что-то вроде нашего кокса или герыча. И продают ее за кордон. Еще у них по лесам бродят оборотни и упыри. Прикинь!

Катя нахмурилась:

– Орлов, ты сколько вынюхал?

– Нисколько.

– Значит, опять вчера перебрал коньяка?

– Возможно. – Глеб вздохнул. – Честно говоря, я не помню.

Катя стряхнула с сигаретки пепел, посмотрела на Глеба и, как-то странно улыбнувшись, проговорила чужим, очень нежным голосом:

– Забавный ты, чужеземец. Забавный и вельми смелый. Не каждый сможет такое Егре в лицо сказать.

– Что?

Реальность дрогнула у Глеба перед глазами и пошла рябью. А Катино лицо вдруг превратилось в другое, с высокими скулами, бледно-матовой кожей, огромными голубыми глазами и симпатичным, чуть вздернутым носиком.

– Да что же это... – испуганно проговорил Глеб, закрыл глаза и снова их открыл.

* * *

Княжна Наталья смотрела на него огромными голубыми глазами и улыбалась робко и неуверенно.

– Княжна! – воскликнул Глеб и приподнял голову с лавки. – Это сон? Ты мне снишься, правда?

– Если тебе хочется так думать, думай, – сказала Наталья.

Глеб потер пальцами воспаленные веки, взглянул на железные прутья решетки и хрипло вздохнул. Темница была другая, не та, в которой он сидел прежде. Должно быть, что-то вроде карцера или одиночной камеры.

– Это не сон, – горестно проговорил Глеб. – Я в прошлом. Господи, что же это такое происходит?

Княжна Наталья неуверенно повела плечами. И вновь лицо княжны показалось Глебу знакомым. Он точно где-то видел его раньше. Но где?

– Охоронцы поведали, что ты во сне разговариваешь, – тихо сказала она. – И много удивительного рассказываешь. Я хочу послушать.

Глеб сел на лавке и опустил ноги на плотно утоптаный земляной пол.

– Даже не знаю, с чего начать, – сказал он и облизнул пересохшие губы.

Княжна улыбнулась.

– А я тебе помогу. Откуда ты прибыл, чужеземец?

Глеб вздохнул и ответил:

– Из далекой страны.

– И как называется твоя страна?

– Россия.

Княжна Наталья чуть склонила голову набок.

– Хороша ли там жизнь али дурна?

– Смотря с чем сравнивать. – Глеб невесело усмехнулся. – Если с вашим княжеством, то она хороша.

– Чем же она так хороша? – прищурила любопытные глаза Наталья.

– Чем? Пожалуй, что чудесами.

Любопытство в глазах княжны разгорелось еще сильнее.

– Расскажи мне про свою страну, – попросила она.

Глеб откинул с холодного лба темную челку.

– Что ж, попробую. В нашей стране люди живут в теремах, и в каждом тереме свой родник с чистой водой. Хочешь – будет холодная, а хочешь – горячая. А зимой в наших теремах так тепло, что и печка не нужна. Еще мы любим путешествовать. Но путешествуем не на простых конях, а на железных.

– Как это? – удивилась княжна.

– Да вот так. Садимся на железных коней, и те нас за тридевять земель в одночасье доставляют. А еще мы умеем летать.

– Летать?

– Угу. На железных птицах. Выше облаков!

Княжна с сомнением прищурила голубые глаза.

– Еще скажи, что звезды с неба срываете, – недоверчиво проговорила она.

Глеб усмехнулся разбитыми губами и покачал головой.

– Нет. Но на Луне были. И вокруг звезд на железных птицах летали. И на дно морское опускались. И с чудищами морскими воевали.

Наталья засмеялась.

– Смешной ты, колдун!

– Глеб. Зови меня Глеб.

– Ладно. Глеб. Нешто ты думаешь, что я тебе поверю?

– Конечно, согласишься. Скучно тебе, Наталья, в княжских палатах-то жить.

Улыбка покинула губы княжны.

– О чем ты, чужеземец? – севшим от волнения голосом пробормотала она.

– Отец, Егра, все эти кушанья, приемы иноземных гостей... Все это тебе давно опостылело. Будь твоя воля, оседлала бы ты коня и поехала бы куда глаза глядят.

Брови Натальи дрогнули.

– Откуда знаешь?

– Я же колдун, я все про всех знаю.

Наталья смотрела на Глеба затаив дыхание. Справившись с волнением, она разомкнула губы и произнесла:

– А далеко ли страна твоя, Глеб-чужеземец?

– Далеко. Дальше, чем ты можешь себе представить. Слушай, Наташ, у тебя за спиной бочка с водой. Может, дашь мне попить?

– Конечно!

Княжна обернулась, взяла маленький медный ковшик, зачерпнула из бочки воду и протянула ковшик Глебу. Глеб потянулся за ковшиком, но вместо этого взял княжну за руку и нежно погладил ее пальцы.

Наталья слегка побледнела.

– Пусти, – тихо попросила она.

Глеб взял ковшик с водой и отпустил ее руку. Княжна с облегчением вздохнула.

– Если все так хорошо, как ты говоришь, чего ж ты к нам пришел? Чего тебе дома не сиделось?

Напившись, Глеб вытер рот рукавом куртки и ответил:

– Это слишком долгая история.

– Если еще раз приду, расскажешь?

– Может быть.

Княжна поднялась с лавки.

– Уже уходишь? – с тоской спросил Глеб.

– Да. Мне пора. – Наталья взглянула на осунувшееся лицо Глеба, и брови ее дрогнули. – Подари мне что-нибудь, чужеземец, – попросила она вдруг. – Буду смотреть на подарок и тебя вспоминать. И я тебе тоже что-нибудь подарю, когда в другой раз приду. У нас так принято, если люди хотят... хотят дружить, они обмениваются подарками.

Глеб поразмыслил, затем снял с запястья часы и просунул их сквозь решетку. Наталья взяла часы тонкими пальцами и поднесла их к лицу.

– Мужчины твоего племени носят браслеты? – с удивленной улыбкой спросила она.

– Носят, – кивнул Глеб. – Ты придешь завтра?

– Приду.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Наталья первой отвела взгляд. Щеки ее зарделись. Она повернулась и заспешила к двери, но вдруг остановилась и снова посмотрела на Глеба.

– Не тужи, чужеземец! Все образуется!

Потом одарила Глеба ободряющей улыбкой, повернулась и выскользнула из темницы.

* * *

В этот день Глеба били еще два раза, и оба раза – Дранный кат. Бил не сильно и просто так, не задавая вопросов, не объясняя причину и ничего не выведывая. Видимо, это было чем-то вроде разминки перед грядущей страшной пыткой, психологической обработкой и обещанием нечеловеческих мук.

Ночью Глеб спал плохо, то и дело просыпался с криком, садился на лавке и лупал глазами в темноту, пока не приходил в себя. Потом снова ложился и снова

забывался коротким, тревожным сном.

А утром, когда Глеб сидел с кружкой в руке и пил ржавую воду, к нему пришла Наталья. И Глеб снова рассказывал ей про чудесные вещи. Про океанские лайнеры, скоростные поезда, мобильные телефоны и шикарные автомобили... Наталья слушала все и дивилась.

Просидела она перед клеткой часа полтора, и на исходе этого времени Глеб, неожиданно для себя самого, признался:

– Ты классная девчонка, Наташа. Знаешь... мне кажется, что я в тебя влюбился.

Княжна покраснела, но сделала вид, что ничуть не удивлена подобным заявлением, и лишь весело уточнила:

– Кажется?

– Да, кажется, – кивнул Глеб. – Понимаешь... Я до сих пор ни в кого по-настоящему не влюблялся, поэтому мне трудно понять, настоящая ли это любовь. Но когда я закрываю глаза, я вижу твое лицо. Мне кажется, что это любовь.

Щеки Натальи еще больше зарделись. Она вдруг подалась вперед и взволнованно проговорила:

– Ты тоже мне люб! Люб так сильно, что я хотела бы, чтобы меня заковали вместе с тобой!

Глеб слегка растерялся от такого напора. Потом улыбнулся и невесело заявил:

– Я бы никогда тебе этого не позволил. Вот если ты попросишь отца отпустить меня...

Он замолчал, внимательно наблюдая за лицом княжны. Меж гибких бровей Натальи пролегла едва заметная поперечная морщинка.

– Это будет трудно, – тихо сказала она. – Советник Егра невзлюбил тебя, а батюшка не слушается никого, кроме Егры. Советник не выпустит тебя из темницы живым.

В горле у Глеба пересохло.

– Что же со мной сделают? – сипло спросил он.

– Егра хочет, чтобы тебя четвертовали, – ответила Наталья так, будто речь шла о совершенно обычных и даже естественных вещах.

Глеб сглотнул слюну.

– Как?

– Сначала тебе отрежут ноги, потом руки, а потом...

– Хватит. – Голос Глеба дрогнул. – Я понял.

Несколько секунд они молчали. Вдруг глаза Натальи вспыхнули, и она возбужденно проговорила:

– Я отравлю Егру!

– Что?

– Отравлю! – с ненавистью повторила Наталья и сжала кулаки. – Я знаю, где достать зелье. Подсыплю зелье ему в кубок с вином! А ежели не выпьет, ударю его в грудь кинжалом! Я сильная, я справлюсь!

Глеб покачал головой:

– Нет, Наташ, ты не должна этого делать.

– Почему?

– Если Егра выживет, у тебя будут большие неприятности. К тому же у такого мерзавца, как он, наверняка есть тайные осведомители. Что бы ты ни задумала, он будет знать об этом заранее и найдет способ избежать смерти.

Брови княжны дрогнули.

– Что же нам делать? – растерянно спросила она.

Глеб вздохнул и ответил:

– Не знаю.

Они снова замолчали. Наталья долго размышляла, затем твердо проговорила:

– Я пойду к гадалке.

Глеб пропустил ее реплику мимо ушей. Что сумеет сделать гадалка? Да ничего. Против советника Егры нужна тяжелая артиллерия, и гадалка тут точно не поможет. Однако Глеба тронула готовность Натальи к решительным действиям. Он с нежностью посмотрел на нее и проговорил мягким, благодарным голосом:

– Я не знаю, как я попал в это темное царство, но для меня ты – единственный лучик света. Если б не было тебя, я бы сошел с ума.

Наталья покраснела.

– Наклонись к решетке, – попросила она.

Глеб наклонился. Наталья быстро приблизила свое лицо к железным прутьям решетки и поцеловала его в губы.

– Ты мне люб! – громко прошептала она. – Помни об этом!

Затем вскочила с табурета и быстро порхнула к двери.

* * *

Через два часа княжна вернулась. Глаза ее возбужденно блестели, на щеках полыхал румянец. Наталья присела на краешек табурета, облизнула губы кончиком языка и выпалила:

– Я была у гадалки, и она сказала мне, что делать!

Она выпростала из-под платка руку и показала Глебу маленький глиняный кувшинчик.

– Что это? – без особого интереса спросил Глеб.

Наталья покосилась на дверь, чуть придвинулась к решетке и прошептала:

– Ядовитое зелье, которое она мне дала.

Глеб нахмурился.

– Ты все-таки хочешь отравить Егру? – спросил он.

Наталья качнула головой.

– Нет. Это для меня.

На лице Глеба отобразилось недоумение.

– Как для тебя? – растерянно спросил он. – Что-то я не понимаю.

Глаза Натальи странно блеснули. Она решительно и быстро проговорила:

– Я выпью этот яд. Гадалка сказала, что это единственный способ выручить тебя из темницы.

Несколько мгновений Глеб удивленно смотрел на девушку, пытаясь осмыслить ее слова, потом нахмурился и твердо сказал:

– Даже не думай. Твоя гадалка – дура. Если ты выпьешь яд, ты умрешь. Умрешь по-настоящему, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/granovskiy_anton/padshie-bogi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)